Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 77727. Москва. Тираж 80.000 экз

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а

На ленинских путях.

21 января 1924—21 января 1927.

Те были памятные, незабываемые январские дни, когда мы, большевики-ленинцы, охваченные глубокой скорбью, над свежей могилою вождя давали свое твердое обещание—не сдавать ленинского знамени, держать его крепче, нести его дальше...

С тех пор прошло три года.

Только три года... Но какие годы! Годы суровой исторической проверки нашей большевистской закаленности, проверки жизнью, на реальных фактах классовой борьбы, упорной борьбы за строительство социализма, за торжество международного пролетариата,—когда проверяется не количество цитат из Ленина, заученных наизусть, а правильное понимание ленинского учения и умение применять его к постоянно меняющимся, все новым и новым, в книжках не предусмотренным условиям борьбы.

Только три года! Но они уже с неопровержимой ясностью доказали, что большевистская партия не только *хочет*, но и *умеет* итти по ленинским путям, добиваясь реально-ощутительных успехов для дела пролетарской революции, с ленинским упорством преодолевая препятствия, не зазнаваясь от успехов, не впадая в панику от трудностей строительства социализма в отсталой стране.

Начать *с единства партии*. Кто посмеет сказать, что мы не уделили этому важнейшему вопросу того внимания, какое ему уделял и нам завещал уделять Ленин? Весь период времени, который прошел со дня смерти основоположника нашей партии,—даже больше того: со времени его фактического ухода от непосредственного руководства нашей партией,—был периодом непрерывной борьбы *за* единство нашей партии, *против* фракционного ее раздробления, *против* расщепления единой централизованной организации с единой, монолитной, ленинской идеологией, *за* единое руководство. Теперь, оглядываясь назад на эти годы борьбы, мы спокойно можем себе сказать, что внесли в этот вопрос всю нашу большевистскую страстность, всю нашу резкость и твердокаменность. И мы не имеем оснований раскаиваться в этом. Ибо ставка была слишком велика, борьба была слишком тяжела. Затянувшаяся международная револю-

ция, в частности, поражение германского пролетариата в 1923 году, частичная стабилизация капитализма, трудности нашей усложнившейся строительной работы,—все это, несмотря на наш рост и на развитие международной революции, усиливало подверженность отдельных клеточек партии влиянию давящей на нас *мелкобуржуазной стихии*, вызывало рецедивы мелкобуржуазного реформизма (социал-демократического капитулянтства), переплетенного с мелкобуржуазной «революционностью», паникерской по самому нутряному своему естеству.

Но основные кадры нашей партии воспитывались и закалялись как раз в непримиримой борьбе с этими исконными врагами пролетарских партий. И в тяжелой борьбе за единство, развернувшейся после Ленина, эти кадры показали, что не даром они учились у Ленина искусству распознавать этих врагов под самыми неожиданными оболочками, разоблачать их перед рабочим классом и побеждать их. Не даром как раз с атаки на эти кадры была начата борьба против единства нашей партии (троцкистская дискуссия 1923—24 гг.).

Исторический опыт партии, накопленный в этих кадрах десятилетиями, широкой волной распространился на всю массу членов нашей партии. Собственный опыт борьбы с указанными мелкобуржуазными влияниями поднял уровень квалификации и закалки у молодых членов партии, не имевших опыта борьбы с мелкобуржуазными партиями, не прошедших этой глубоко-воспитательной практической школы. Борьба с троцкизмом, с «рабочей» оппозицией, новой оппозицией, с их блоком, будучи подкреплена усвоением всего исторического наследия нашей партии, с успехом заменила для них то, чем для старых кадров являлась борьба с мелкобуржуазными партиями.

В итоге вся партия встала железным кольцом вокруг и на защиту своего Центрального Комитета. Единство партии было, таким образом, сохранено и сохранено не на гнилой почве соглашений с оппозиционными фракциями—тут единства не может быть,—а на почве единого, ленинского понимания наших традиций, уроков истории и задач, стоящих перед пролетариатом...

Известно, что в своих предсмертных указаниях партии (см. в частности, статью «Как нам реорганизовать Рабкрин») Ленин связывал раскол партии с возникновением серьезных разногласий между рабочим классом и крестьянством.

> «В нашей Советской Республике,—писал он,—социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен».

Известно, что в осенней вылазке оппозиционного блока, которая может быть понята лишь как проявление курса на раскол, представители оппозиции «тонко» намекали, что якобы «кулацкое» якобы «перерождение» нашей партии как раз и поднимает тот самый вопрос, который был поставлен в приведенном отрывке из Ленина, исторически-де оправдывая раскольническую линию оппозиции. Такое использование Ленина, как орудия борьбы против... существующего ленинского единства партии, является, конечно, неслыханным в истории нашей партии шарлатанством. Ибо, во-первых, само обвинение в «кулацком» или, как выражались другие, в крестьянском перерождении является от начала до конца блефом. А, во-вторых, как раз практическая программа самой оппозиции со всем ее теоретическим обоснованием об'ективно и была программой раскола двух классов—пролетариата и крестьянства, и ее осуществление уже действительно содержало бы в себе в перспективе угрозу неизбежного раскола нашей партии.

Между тем Ленин указывал в той же статье, что «в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого „раскола" между рабочим классом и крестьянством. Программа оппозиции, таким образом, была по существу программой превращения скрытой возможности (возможности, но не необходимости!) раскола между двумя классами, а затем и раскола партии—в историческую неизбежность.

Из этого видно, какой серьезности вопрос решила наша партия, давая единодушный отпор безответственным раскольническим попыткам оппозиции, выполняя этим прямые директивы Ленина.

Вопрос о *руководящем кадре* нашей партии был одной из крупнейших частей проблемы единства. Хотя бы по одному тому, что опасность раскола Ленин связывал не только с таким об'ективно классовым фактором, как крушение рабоче-крестьянского союза, но и с «*влиянием чисто личных и случайных обстоятельств*», имея при этом в виду состав нашего партийного руководства.

«Наш ЦК,—писал Ленин,—сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную». Но к этому нужно добавить, что решающую роль играла в этом фигура самого Ленина, авторитет которого служил цементом, связывавшим воедино наш Центральный Комитет и противоборствовавшим разным политическим тенденциям и зародышам этих тенденций, которые, как показала история партии после смерти Ленина, имелись в недрах нашего ЦК и которые, как оказалось, у некоторых тт., в частности и в особенности у тт. Троцкого, Каменева и Зиновьева, не были ликвидированы, несмотря на длительную работу под руководством Ленина и ленинского ЦК.

Вряд ли кто-нибудь мог предполагать, что история нашего ЦК после ухода Ленина от непосредственного руководства окажется, в частности, историей развертывания этих небольшевистских тенденций, вместо их умерщвления, историей их развития в центробежную силу с угрозой раскола. Но случилось именно так.

Первым, кто начал развертывать свои, долгой борьбой против большевизма насажденные, за время революции невытравленные тенденции и традиции, оказался тов. Троцкий, который указаниям партии на недопустимость возрождения троцкизма, как политического течения, противопоставил тот ответ, что сам большевизм в 1917 году идейно перевооружился в духе Троцкого. Из этого же источника пошли и словечки о перерождении (намеки на Гэда, Вальяна).

А затем к этим троцкистским шатаниям прибавился рецидив социал-демократических настроений у тт. Каменева и Зиновьева, которые через короткое время после ожесточенных боев против троцкизма и после обвинений большинства ЦК в полутроцкизме сами подпали под гегемонию троцкизма, начав отход от ленинизма в важнейших вопросах теории, политики и тактики. Этот отход по своей политической сущности был совершенно однотипен с их октябрьскими ошибками, которые до этого рецидива, конечно, вспоминались неохотно, но которые необходимо было вспомнить сейчас, дабы уяснить подлинную природу тенденций, об'ясняющих как ту, так и теперешнюю крупнейшую ошибку этих товарищей.

Так шло возрождение враждебных большевизму тенденций, бывших до поры, до времени законсервированными.

Тем самым вопрос о «влиянии личных и случайных обстоятельств» в нашем ЦК получил сугубо политическую формулировку. Речь шла уже о знамени, под которым должна итти партия. «Личности» стали простыми символами политических линий и тенденций—антиленинских, с одной стороны, ленинских, с другой. И партия не опустила ленинского знамени, а подняла его выше, приобщив к ленинизму новые и новые слои рабочего класса,—решив тем самым и вопрос о составе своего высшего руководства, отстранив лидеров, не исправившихся, не исправляющихся и не желающих исправиться в духе ленинизма, несмотря на невероятное терпение, проявленное партией в попытках удержать этих товарищей во главе себя, под одним, правда, решающим условием—отказа от антиленинских тенденций.

Но это условие не было принято, и произошло то, что произошло.

Трехлетие после смерти Ленина завершает, таким образом, целую полосу в развитии нашей партии, в частности, нашего высшего руководящего кадра. В идеологии партии непреодолимо укреплен ленинизм. Создано авторитетнейшее партийное руководство,—единое, монолитное, ленинское, обеспечивающее полное единство в определении и проведении партийной политики.

Это не значит, что оппозиция не будет пытаться поднять свою голову. Она будет это делать, как делала уже после «Заявления» от 16 октября. Но ленинская политика партии создает все условия к тому, чтобы все эти попытки встречали еще более сокрушительный удар, чем тот, результатом которого явилось само «Заявление» от 16 октября...

Маневроспособность партии представляет тот пункт, на котором следует остановиться специально.

Наша партия всегда показывала высокие образцы гибкости своей тактики, проявляла чуткость к настроениям масс, умела трезво и хладнокровно учитывать изменения в обстановке, взвешивать передвижки в отношениях классов, улавливать смену этапов в развитии политических и экономических отношений и, сообразуясь с этими изменениями, реагировать на них дружно, сплоченно, как единый гибкий, маневроспособный организм, выдвигая захватывающие массы лозунги, чтобы активно, собственным воздействием на обстановку вызывать в ней изменения в пользу пролетариата.

О важнейших предпосылках маневроспособности мы уже сказали. Остановимся на других ее сторонах.

Со дня смерти Ильича и до настоящего времени наша партия увеличилась больше, чем вдвое. Но это обстоятельство не превратило ее в тяжеловесную, неуклюжую, негибкую организацию. Наоборот. Рост партии расширил сферу влияния партии, углубил ее. Корневые ответвления партии ушли глубже и дальше в толщу трудящихся слоев и в особенности рабочего класса,—рост партии шел в своей массе за счет лучших элементов рабочего класса, и процент рабочих, в частности, рабочих от станка, теперь куда выше, чем это было в конце 1923 г.

Конечно, трудности партийного руководства возросли. Требования, пред'являемые к руководящим кадрам партии (снизу, от ячеек, и доверху), стали более серьезными и разносторонними. Проводящийся партией курс на внутрипартийную демократию и исходил из учета повышенной требовательности широких партийных кругов и, в свою очередь, сам был рассчитан на такое повышение уровня сознательности, выражающееся, в частности, в повышенно-разносторонних требованиях к руководству. Но мы не прикрасим действительного положения вещей, если скажем, что, несмотря на наблюдающиеся кое-где элементы бюрократизма, отставания в развитии или закостенения (которые нужно выкорчевывать), наши кадры в своей массе росли и за эти годы в ногу с повышающимися требованиями партийных масс, поднимая свою квалификацию, повышая свою

политическую зрелость, расширяя связи и влияние в партийных массах, обогащая свой организационный опыт и политический опыт вообще.

Можно сказать без преувеличения, что такого широкого партийного актива, с такими связями и с такой квалификацией, как сейчас, наша партия до сих пор еще не имела. Задача здесь состоит в том, чтобы продолжать дальше эту работу по воспитанию актива, по его дальнейшему выдвижению из самых недр партийной массы, по дальнейшему усвоению и распространению в массах ленинского учения, сочетаемому с практической работой в массах, с тем, чтобы решения партии проводились быстро, точно, массовидно,—а это представляет одно из серьезнейших условий маневроспособности партии.

Повышение политической активности классов и слоев нашего общества, своевременно учтенное нашей партией, должно было дать поверку гибкости нашей политики (на ряду, конечно, с другими «проверяющими» фактами и процессами).

Отсюда родился лозунг *оживления советов, оживления работы профсоюзов, кооперации* и других массовых организаций трудящихся. Эти лозунги, тесно связанные с лозунгами внутрипартийной демократии, оправданы теперь целиком и полностью практически, несмотря на то, что кое-где были допущены ошибки, исправленные партией, несмотря на то, что недоделанного тут еще осталось много. Возросшая активность враждебных и полувраждебных пролетариату, маскирующихся сплошь и рядом в защитный советский цвет, слоев может быть преодолена с необходимой основательностью лишь при условии активности и ее организованности у широчайших масс трудящихся и в первую голову—пролетариата. Так оно и оказалось. Лозунги партии оказались нащупанными настолько правильно и своевременно, что, несмотря на некоторые ошибки, допущенные, например, в вопросе об оживлении советов, организованность трудящихся усилилась, окрепла, авторитет партии среди беспартийных трудящихся поднялся, связи партии с рабочим классом, рабочего класса—с беднотой и средним крестьянством стали тесней, ближе, родней. В целом диктатура пролетариата и ее руководящая сила—партия—упрочились еще более именно в связи с проведением в жизнь указанных лозунгов, в частности—оживления советов. Правда, отдельные, закостенелые элементы нашей партии, как, например, наша паникерствующая оппозиция, прожужжали все уши криками о затоплении нижних звеньев советской организации мелкобуржуазной стихией. Но они не могли противопоставить ничего тем неоспоримым фактам, что авторитет партии и рабочего класса среди непролетарских трудящихся усилился именно в результате партийного курса.

Усиление в расслоении деревни, из которого партией были своевременно сделаны все выводы, поставило, в частности, вопрос о поднятии активности и организованности *деревенской бедноты*, о создании необходимых условий для прочного закрепления ее союза с середняцким крестьянством, для изоляции деревенской верхушки, делающей попытки командовать деревней. Эта важнейшая задача была поставлена партией, и также своевременно, при полном непонимании ее со стороны оппозиции, кричавшей, однако, о кулацком перерождении партии, скрывая под этими криками свою линию на фактическую отдачу бедноты на произвол кулачеству. Понимая, что надлежащий отпор кулачеству и его изоляция могут быть проведены беднотой лишь на основе растущей организованности, инициативности, сознательности, опирающейся на политическую (а не просто на собесовскую) помощь со стороны рабочего класса, партия дала лозунг сплочения вокруг деревенских ячеек партии беспартийного крестьянского актива (октябрь 1924 г.), лозунг организации бедноты (октябрьский 1925 года пленум ЦК),—оправданные на опыте годовой—полуторагодовой работы.

Хозяйственная сторона в отношениях рабочего класса и крестьянства показывает с неменьшей ясностью понимание партией задач, особенно подчеркивающихся Лениным и умение своевременно учитывать изменения, происходящие в этой области. Время с осени 1923 года по весну 1924 года представляет в этом отношении особенно показательный период, когда партия проводила решительный поворот в политике хозяйственных органов, при отчаянном сопротивлении троцкистской оппозиции, пускавшей словечки о «диктатуре промышленности». Партия не заразилась у оппозиции политической слепотой. Партия заметила надвигавшуюся угрозу срыва правильных взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Партия повернула рычаг политики цен и в комбинации с ликвидацией падающей совзначной валюты добилась решительного улучшения отношений с крестьянством. Правда, оппозиция и посейчас еще продолжает уверять, что это было достигнуто ценой замедления темпа накопления в нашей промышленности. Но вопиющая теоретическая безграмотность, сквозящая в этом тезисе, и фактические успехи в сдвиге нашей социалистической промышленности, в темпе ее развития, в размерах реального накопления, в связях ее с рынком, в сокращении монополистического самодовольства и самоутешения—настолько ясны и очевидны, что опровергать эту оппозиционную «идею» всерьез нет сейчас особенной нужды. Сама оппозиция, спрятавшая на последнем пленуме ИККИ соответствующие пункты своей программы в карман по причине их особой одиозности, доказывает это наилучшим образом. Во всяком случае политика, ориентирующаяся в отношениях города и деревни на отношения между метрополией и колонией, не имеет в глазах нашей партии никакого кредита. В противоположность ей, партия ориентируется на уни-

чтожение веками созданной и капитализмом обостренной и развитой противоположности города и деревни, действуя при этом не только в духе прямых указаний Ленина, но и Маркса, неоднократно формулировавшего эту величайшую проблему социализма.

Решение XIV конференции о ликвидации остатков военного коммунизма, легализации отношений аренды и найма, существовавших дотоле нелегально, а потому в особенно махровых эксплоататорских формах,—это важнейшее решение, истолкованное новой оппозицией, как уступка кулаку (почему же они голосовали на XIV партийной конференции за уступку кулаку, эти горе-противники кулака, так «беззаветно» «борющиеся» против «кулацкого» «перерождения» партии?)—это решение отнюдь не противоречит линии партии по отношению к деревне. Больше того: оно—совершенно в духе прямого указания Ленина в этом вопросе (см. письмо Ленина к т. Осинскому, опубликованное в (IV «Ленинском Сборнике»). Это решение, принятое в целях устранения излишних преград, отпугивавших середняка («центральную фигуру земледелия») от развития хозяйства, не оттолкнуло середняка в об'ятия кулака, а, наоборот, помогло провести между середняком и кулаком некую межу, устранив пункт, в котором кулачество и середняк начинали искать общий язык (пролетариат-де препятствует развитию крестьянского хозяйства).

С устранением же остатков военного коммунизма было значительно усилено вовлечение растущего и укрепляющегося крестьянского хозяйства в русло *кооперативного строительства*, с особым креном по линии кооперирования бедноты путем льгот, фондов и т. д. Перевод *с.-х. налога* на начала подоходного налога, регулирующий деревенское накопление, ограничивающий одни его пути и стимулирующий другие,—также является плотиной, задерживающей капиталистические элементы и способствующей борьбе против них со стороны социалистических элементов.

Здесь нет необходимости особо подчеркивать значение выдвинутого партией капитального лозунга *индустриализации страны* на социалистических рельсах. Этот ясный, простой, понятный лозунг достаточно захватил трудящиеся массы нашей страны, доказав этим свою полную жизненность и умение партии выдвигать такие лозунги. Остановимся лишь на той стороне в осуществлении этого лозунга, которая характеризуется как *переход от восстановительной стадии к реконструктивной*. Период, к которому нужно отнести этот переход,—это 1925—26 хозяйственный год. В нащупывании этого перехода, в его осознании не менее, чем в других областях, проявилась дезорганизующая роль оппозиции. Уже осенью 1925 года стало ясно, что мы стоим на рубеже некоей новой полосы нашего развития.

В чем заключалось это новое, в чем его своеобразие,—вот что нужно было определить. Тогда была пущена в ход оппозиционная философия: новое в том, что социалистическое строительство «регулируется», или употребляя более «модное» слово «контролируется» кулаком. У партии оказалось достаточно трезвости для того, чтобы, помня о кулаке, не поддаться одновременно на эту провокационную философию и осознать новое в нашем строительстве так, как оно есть, т.-е. как переход от восстановления к реконструкции и связанное с этим замедление темпа нашего развития со всеми вытекающими отсюда техническими, экономическими и *политическими* последствиями и задачами. На путях осторожной, продуманной, согласованной в своих частях и соотношениях (важнейшее: промышленность и с. х.!) политики партии удалось доказать с полной ясностью, что оппозиционное понимание своеобразия и новизны в обстановке не выдерживает серьезной критики. Достаточно указать на абсолютный и относительный рост социалистических элементов нашего хозяйства. Достаточно указать на те же хлебозаготовки, которые, будучи непосредственно руководимы уже не оппозиционными горе-философами, а ленинцами, наносят сокрушительный удар по оппозиционным выдумкам.

Подводя итоги, можно сказать, что мы задачи укрепления социализма против капитализма выполняем успешно, победоносно и делаем все для того, чтобы вопрос «кто кого?» решить в пользу пролетариата.

Задачи нашей партии, как авангарда *международной революции* не были оттесняемы на задворки, как это изображает оппозиция в трогательном единстве с социал-демократами: в противоречивой полосе развития мировой революции (под'ем и поражение германской революции, частичная стабилизация капитализма, прорываемая и освободительными движениями на Востоке и схватками классов в самых передовых странах капитализма, рост страны пролетарской диктатуры) наша партия держалась так, как подобает ленинской интернационалистской партии. Симпатий международного пролетариата мы не потеряли, а, наоборот, укрепили; борющихся отрядов международного пролетариата не покинули, а, наоборот, всеми доступными нам средствами их поддерживали; связей с колониальными рабами не ослабили, а упрочили; международному империализму своих позиций не сдали, а, наоборот, лавируя среди противоречивых переплетений интересов, укрепили международное положение Советского Союза.

В сознании того, что после смерти Ленина мы большевистского капитала не растратили, а в пределах сил его приумножали, наша партия смотрит твердо в глаза грядущим событиям и предстоящим задачам.

Я. Яковлев.

Ленин о борьбе с бюрократизмом.

Ленин ставит вопрос о бюрократических извращениях государственного аппарата, начиная с 1918 года, десятки раз; он возвращается к этому вопросу на каждом историческом повороте, когда вновь встающие задачи пред'являют новые требования к государственному аппарату и партии. Исходя из некоторых, общих для всех лет, теоретических предпосылок и практических предложений, он каждый раз соответственно условиям момента их видоизменяет, неуклонно добиваясь подхода к решению основной задачи. В связи с тем, что вопросам борьбы с бюрократическими извращениями государственного аппарата партия в настоящий момент придает исключительное значение, в связи с тем, что задача борьбы с бюрократическими извращениями превращается теперь в одну из самых важных задач партии, полезно проследить, хотя бы вкратце и схематично, как Ленин ставил этот вопрос на разных этапах развития нашего государства.

Не многие теперь помнят, что Владимир Ильич поставил проблему борьбы с бюрократизмом еще в самом начале 1918 года, когда наш государственный аппарат находился только в периоде своего рождения, когда еще не сложилась централизованная машина государственного управления, когда в силу этого одного могло казаться, что нет еще оснований для постановки этого вопроса.

Сам Владимир Ильич, разрабатывая вопрос о бюрократизме, в 1921 году в своей брошюре о продналоге обращается к прошедшим годам в поисках того времени, когда впервые бюрократизм стал в поле нашего зрения. Он находит это первое упоминание только на VIII с'езде партии в 1919 году. Между тем в действительности уже в 1918 году именно от Ленина исходит постановка в поле внимания партии всей проблемы борьбы с бюрократизмом.

В том ленинском наброске программы, которая была напечатана 9 марта 1918 года, среди 10 тезисов о советской власти Ленин формулирует особый тезис. Советы дают «возможность устранить бюрократию, обойтись без нее; начало реализации этой возможности» (том XV, стр. 149). Почему мы имели только начало реализации возможности устранения бюрократии, Ленин раз'ясняет в своей речи по поводу партийной программы на VII с'езде нашей партии 8 марта 1918 года: дело создания нового типа государства без бюрократии, дело создания пролетарской демократии «едва только начато и пока начато плохо» (том XV. стр. 142). Через месяц в документе, который подво-

дил итоги полугодового существования советской власти и намечал очередные задачи нового этапа нашего развития в статье «Очередные задачи советской власти» он уже прямо говорил о борьбе «с бюрократическим извращением советской организации» (том XV, стр. 206). И опять-таки основное обеспечение возможности этой борьбы видит в прочности связи советов с народными массами.

Эти три справки, относящиеся к марту и апрелю 1918 года, показывают, что уже тогда вопрос о бюрократизме целиком стоял в поле зрения Ленина и, более того, что уже тогда он давал то же решение проблемы, которую он развернул полностью в последующие годы. В самой советской системе, в самой природе пролетарской демократии скрываются основные возможности преодоления бюрократизма.

(Из практических вопросов техники управления весной и летом 1918 г. Ильич ставит вопрос об установлении действительной единоличной ответственности каждого работника государственного аппарата за поручаемое ему дело при одновременном развитии всевозможных форм контроля снизу—об этом подробно дальше).

Не случайно, конечно, что снова к вопросу о бюрократизме Ленин возвращается опять в связи с обсуждением партийной программы. Он, в начале 1918 года подошедший к этому вопросу в своем первом наброске партийной программы, теперь, 19 марта 1919 года, на VIII партийном с'езде разворачивает и уточняет то, что им было сказано год назад. В речи о партийной программе он анализирует классовые основы бюрократизма у нас. Мы уничтожили буржуазные основы бюрократизма, уничтожив буржуазное государство; этих корней бюрократизма у нас нет; но у нас налицо многие другие корни бюрократизма, делающие все же бюрократизм чрезвычайно длительной особенностью нашего государственного аппарата: Россия была недостаточно развита капиталистически, старые чиновники были особо плохими чиновниками; старые чиновники неизбежно расселись на новых местах. Некультурность не дает возможности целиком и сразу решить задачу создания нового государственного аппарата.

Из всего этого Владимир Ильич делает старый вывод: поскольку основная беда в том, что из-за низкого культурного уровня советы еще не развернули полностью свое значение органов управления через трудящихся, главная задача—выдвижение резервов из народных масс. Бюрократизм может потеснить только организация пролетариата и крестьянства. И соответственно этому в партийной программе система мер по развитию пролетарской демократии, по постепенному вовлечению всего трудящегося населения в управление обосновывается необходимостью вести «самую решительную борьбу с бюрократизмом». В то же время в программе дается анализ корней бюрократизма у нас, в отличие от корней бюрократизма в буржуазных странах, которые были отсечены в советской республике Октябрьской революцией: «Только благодаря советской организации государства революция пролетариев могла сразу разбить и разрушить до основания старый буржуазный чиновничий и

судейский государственный аппарат. Однако, недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу, привело к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя».

Позже в 1921 году Ленин об'ясняет мотивы, заставившие его в начале 1919 года в партийной программе прямо выдвинуть вопрос о бюрократизме: «На VIII с'езде РКП 18—23 марта 1919 года принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о «частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя» (том XVIII, ч. 1, стр. 205).

А 4 апреля этого же 1919 года он все это пояснял практически московским рабочим на заседании Московского Совета, рассказав, как трудна борьба с волокитой и канцелярщиной, и указав, что здесь основное спасение в том, чтобы вливать новые слои рабочих в наш аппарат государственного управления.

О том, в каких формах необходима и возможна организация масс в борьбе с бюрократизмом, Ленин говорит подробно в связи с подведением итогов партийной недели в Москве. Задачи, которые он выдвигает в своей статье от 21 октября 1919 года, подводящей итоги партийной недели, следующие: экономия сил, наибольшее сокращение всяких ненужных формальностей; наибольшее сокращение всякой волокиты; наибольшее упрощение аппарата, приближение аппарата к нуждам масс; приближение аппарата к пониманию масс; приспособление аппарата к непосредственному участию масс в деле управления.

Обсуждая, как нужно использовать новое коммунистическое пополнение, Ленин призывает к смелости в борьбе с бюрократизмом, к смелости в смысле установления контроля и отчетности, к смелости в смысле немедленного предоставления новым коммунистам, связанным с массами, возможности проявить себя на широкой работе. Ленин против боязни ломки установившихся шаблонов. Здесь он дает в 1919 г. формулировку, которая почти дословно повторится в его предсмертных статьях о Рабкрине: «У нас тоже заметна—увы! нередко—чрезмерная боязнь посягнуть на установленные советские шаблоны, хотя «устанавливают» их иногда не сознательные коммунисты, а старые чиновники и служащие» (том XX, ч. 2, стр. 353), «Советская республика должна стать единым военным лагерем с наибольшим напряжением сил, с наибольшей экономией их, с наибольшим сокращением всякой волокиты, всякой ненужной формалистики, с наибольшим упрощением аппарата, с наибольшим приближением его не только к нуждам массы, но и к ее пониманию, к ее самостоятельному участию в этом аппарате» (том XX, ч. 2, стр. 354).

В 1919—20 г., развивая свою основную мысль о борьбе с бюрократизмом, путем привлечения масс, через упрощение аппарата, увеличение его доступности массам, Ленин подходит к идее создания Рабоче-Крестьянской Инспекции, с одной стороны, а с другой стороны, развивает целый круг идей, связанных с установлением единоличия в управлении.

Жаль, что наши государственные работники слишком редко заглядывают в Ильича в поисках практических указаний на то, как надо работать коммунисту в государственном аппарате. Ведь многое, очень многое, если почти не все, над чем приходится работать, практически разрешалось Лениным и большей частью в формах, жизненность которых с годами не только не стала меньше, но даже возросла.

Вот взять хотя бы вопрос о том, как надо работать Рабкрину. То, что Ленин сказал о задачах Рабкрина не только в своих предсмертных статьях, но и в 1920 году, остается живой, действенной директивой для сегодняшнего дня и останется таковой еще на десятки лет, пока не будет окончательно решена проблема полного уничтожения бюрократизма, полного слияния государственного аппарата с трудящимися массами.

В самом деле, вчитайтесь в текст декрета о Рабоче-Крестьянской Инспекции, распубликованного 8-го февраля 1920 года. Это от начала до конца ленинский декрет; к нему, собственно, ни слова не прибавишь и сейчас. Так, как этот декрет формулирует задачу борьбы с бюрократизмом, волокитой, приходится формулировать и теперь, ибо он по-ленински определяет задачи, стоящие перед партией на целый исторический период.

Борьба с бюрократизмом и волокитой путем привлечения масс трудящихся к действенному контролю, проверка исполнения, формулировка на основании опыта масс необходимых изменений в законах, борьба за упрощение советского аппарата, против параллелизма канцелярской волокиты... Особенно хочется подчеркнуть пункт 3-б этого декрета, формулирующий в следующих словах задачи Рабкрина: «борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, усиление фактического контроля путем летучих ревизий и обследования всех органов советской власти, как в области административного управления, так и в области хозяйственной, а также общественных организаций, наблюдение за проведением в жизнь всех декретов и постановлений советской власти, как в центре, так и на местах, и за целесообразным их применением в условиях переживаемого времени и проверка деятельности всех органов советской власти с точки зрения достигнутых на деле результатов».

Далее, пунктом III-д задачи Рабкрина определяются словами: «представление на рассмотрение центральной и местной властей конкретных предложений, выработанных на основе наблюдений и обследований, об упрощении аппарата советской власти, упразднении параллелизма в работе, бесхозяйственности, канцелярской волокиты, а также о преобразованиях всей системы управления в тех или иных областях государственного строительства» (Собрание Узаконений и Распоряжений 1920 г., стр. 85 и 86).

Докладывая об этом декрете (принятом на Сессии ВЦИК), в Лефортовском районе Москвы, Ленин подчеркивает то, что глав-

ная задача, состоящая в привлечении беспартийных рабочих и крестьян к действительному контролю, к действительному участию в управлении—это основной пункт к искоренению бюрократизма в наших учреждениях.

И позже, на Московской конференции уже 20-го ноября 1920 г. Ленин указывает, что Рабкрин пока еще больше существует как пожелание, чем как действительность, что Рабкрин нужно осуществить не в смысле декрета, а в смысле действительного вовлечения рабочей массы в управление.

Через несколько дней на собрании членов партии Замоскворецкого района—1/XII—1920 г., Ленин снова указывает, что дело не в бумажных резолюциях, а в том, чтобы РКИ проявила себя как школа управления государством.

Другим практическим вопросом управления, особенно усиленно разрабатываемым Лениным в этот период, является вопрос о коллегиальности и единоначалии. В безграничной коллегиальности, сопровождаемой эффектными резолюциями, оппозиция видит спасение от бюрократизма. Ленин этому противопоставляет, так же, как и в 1918 году, когда впервые особенно остро встал вопрос об укреплении аппарата пролетарской диктатуры,—принцип единоначалия в управлении, плюс контроль снизу, плюс действительное вовлечение массы рабочих и крестьян в управление.

Еще в конце 1918 года на втором Всероссийском С'езде Советов Народного Хозяйства Ленин переход к личной ответственности определяет, как важнейшую задачу дня. Он хочет добиться того, чтобы каждый орган управления и каждое ответственное лицо из управления знали, за что они отвечают.

Иначе не поборешь волокиты, иначе не добьешься действительной ответственности за волокиту, а нужно сделать так, чтобы каждый член коллегиального управления, занимающийся волокитой, знал, что он «за волокиту отвечает и будет отвечать с точки зрения обороны, т.-е. с точки зрения немедленного ареста и военного суда, хотя бы он был представителем самого важного союза в наиважнейшем главке»... (собр. соч. Ленина, том XV, стр. 560).

Через год в речи на организационной секции VII С'езда Советов, принявшего целый ряд необходимых мер в области усиления децентрализации управления, Ленин определяет соотношение между тем, что может быть достигнуто теми или иными организационными перестройками, и тем, что может быть достигнуто мерами усиления вовлечения масс в управление.

Организационные перестройки в смысле увеличения прав мест необходимы в меру действительного роста местных работников. Именно уровень роста местных работников является мерилом того, как далеко можно пойти в смысле децентрализации управления (это указание Ленина особенно существенно теперь, когда несомненно выросший в итоге восстановительного периода уровень местных работников позволяет нам итти на новые серьезные шаги в области децентрализации управления). А в то же время Ленин предупреждает опять о том же, об основном: коренной вопрос в привлечении масс: центр тяжести вопроса в контроле рабочих и крестьян. Можно итти на любое изменение в смысле распределения прав и обязанностей,—но при этом обеспечивать новое вовлечение рабочих и крестьян в управление и контроль, обеспечивать также действительную проверку на опыте.

На 3-м Всероссийском С'езде Советов Народного Хозяйства Ленин развивает более подробно мысли, изложенные им год с лишним назад на 2-м С'езде Советов Народного Хозяйства.

Теперь, 27-го января 1920 года, он указывает: необходимы действительное использование людей и действительная проверка работы. Это требует установления единоличной ответственности, переход в деле управления от коллегиальности к единоначалию, а иначе «никто из членов коллегии точных заданий не получает и они не выполняются под единоличной ответственностью. У нас вообще нет никакой проверки работы»... (том XVII, стр. 10).

Рамки этому началу единоначалия даются Лениным в формулировке задач—взять в десятки раз больше, чем это было до сих пор, организаторов из рядов рабочих и крестьян; установить такой порядок ответственности, чтобы они «были бы ответственны перед десятками миллионов»... (том XVII, стр. 10).

Превращение Рабкрина в орган действительного контроля госаппарата со стороны рабочих и крестьянских масс, децентрализация управления в меру роста местных работников, установление единоличной ответственности и контроля исполнения (а иначе приказы центра оказываются часто бессильными «они совершенно тонут в море не то бумаг, не то бездорожья, не то бестелеграфья»... (том XVII, стр. 94). Таковы основные итоги ленинской разработки вопроса о борьбе с бюрократизмом на этом этапе нашего развития.

Что можно к этому прибавить сейчас?! Что можно к этому прибавить, кроме новых усилий в деле действительного проведения в жизнь того, что Лениным было указано, Лениным было проработано...

В период сентябрьской конференции 1920 года Ленин сам подвел итоги нашему опыту за прошедшие годы. На Московской конференции 20-го ноября он противопоставляет болтовне лидеров демократического централизма о борьбе с бюрократизмом свою программу борьбы с бюрократизмом: мы должны охватить десятки бюрократических учреждений, а культурный уровень не соответствует этой задаче; мы должны перевести наш поезд на рельсы культурно-экономической работы, а культурный уровень не соответствует этим задачам; мы должны вовлечь лучших из рабочих и крестьян в управление государством для решения задачи борьбы с бюрократизмом, а лучшие вовлечены в армию.

Таковы основные причины того, что бюрократизм живуч не только в Москве, но и во всей стране, и отсюда генеральный вывод, целиком верный для вчерашнего дня, и для сегодняшнего дня, и для завтрашнего дня: *«если мы хотим бороться с бюрократизмом, то мы должны привлечь к этому низы»*... (том XVIII, ч. II, стр. 189), *«каким же иным способом можно прекратить бюрократизм, как не привлечением рабочих и крестьян»*... (том XVIII, ч. 2, стр. 188).

На грани 1920 и 21 годов подводится итог позиции партии в области борьбы с бюрократическими извращениями государственного аппарата в борьбе с бюрократической позицией Троцкого, с антибюрократической болтовней Шляпникова, с демагогией Сапронова. Уточняется значение бюрократизма в нашем строе, уточняется программа того, что можно сделать в годы, а иногда в месяцы, а на что требуются десятилетия. Против Троцкого—настойчивое требование Ленина немедленно исправлять крайности бюрократизма; его настойчивое заверение: «исправление крайностей возможно и необходимо тотчас же» (том XVIII, ч. 1, стр. 34).

Против Троцкого—утверждение закономерности того, что «*массы профессионально организованных рабочих законно протестуют и неизбежно выражают готовность отшвырнуть прочь тех из новых работников, которые не хотят исправить ненужных и вредных крайностей бюрократизма*» (т. XVIII, ч. 1, стр. 38).

Против Троцкого—утверждение: «есть и крайности бюрократизма, а если ты не хочешь их исправлять, ты виноват сугубо» (т. XX, ч. 2, стр. 443).

Против рабочей оппозиции, против Сапронова—утверждение: аппарат распустить, расслаблять нельзя, это было бы на руку эс-эрам, меньшевикам: бюрократизм можно преодолевать путем выдвижения рабочих снизу. *Наше «государство с бюрократическим извращением. С этим мы зовем бороться и беспартийных рабочих»*... (том XVIII, ч. 1, стр. 124).

Наконец, на X с'езде Ленин снова вернулся к вопросу о Рабоче-Крестьянской Инспекции, подводя итог тому, что было сделано в области борьбы с бюрократизмом в течение 1920 г. после того, как летом этот вопрос был поставлен в ВЦИК, в августе разработано было особое письмо Центрального Комитета ко всем организациям, в сентябре был обсужден на партийной конференции, на декабрьском с'езде советов разрабатывался практически.

Основная его мысль: бюрократизм связан с распыленностью страны, с мелкобуржуазной стихией. Победить его можно только об'единением трудящихся; тип об'единения—отстаивание своих прав рабочими и крестьянами через Рабоче-Крестьянскую Инспекцию. Этого не умеют делать даже там, где более всего кричат против бюрократизма: «мало разве у нас декретов, которые приветствуются»,—надо, чтобы трудящиеся «умели через Рабоче-Крестьянскую Инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных» (том XVIII, ч. 1, стр. 113).

Исходным моментом всего ленинского плана борьбы с бюрократизмом является то определение нашего государства, которое он дает во время дискуссии о профсоюзах, подводя итог всему опыту 1918—20 годов: «на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население и во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (том XVIII, ч. 1, стр. 31).

Так была выявлена ленинская линия в огне дискуссионной горячки конца 20 и начала 21 гг.

Была отбита атака Троцкого, в практике своей работы и в теоретическом обосновании своей платформы, взявшего на себя защиту «крайностей бюрократизма».

Была отбита атака Шляпникова и Сапронова, пытавшихся поднять против партии рабочих обещаниями немедленной победы над бюрократизмом, превращающими лозунг борьбы с бюрократизмом в антипартийную платформу.

Была дана точная и исчерпывающая характеристика природы бюрократических извращений в нашем строе. Вместе с тем была подтверждена, проходящая через все годы, основная линия о необходимости неуклонной, неустанной, непрерывной, настойчивой борьбы с бюрократизмом через вовлечение масс в управление и контроль.

После введения новой экономической политики прежние важнейшие мысли Ленина в области постановки борьбы с бюрократизмом конкретизируются соответственно новой постановке, на их основе развертывается огромная программа практической деятельности.

Здесь основные документы: его брошюра о продналоге, «Наказ СТО», заключительное слово на майской конференции 1921 года, письма Мясникову и Соколову, речь на заседании Коммунистической фракции Союза Металлистов, речь на XI С'езде, на 4-й сессии ВЦИК, в Моссовете и, наконец, предсмертные статьи о Рабкрине.

В брошюре о продналоге он уделяет огромное внимание вопросу о природе бюрократизма в нашей стране и о методах его преодоления. Мы видим теперь зло бюрократизма яснее и отчетливее. У нас нет буржуазных основ бюрократизма, у нас другие экономические корни бюрократизма: «раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени, это—результат гражданской войны (том XVIII, ч. 1, стр. 206).

Уже из этого видно, что важнейшую причину обострения бюрократизма Ленин видит в экономических условиях, создавшихся в итоге войны, как последствие войны и осады: «бюрократизм, как наследие войны и осады, как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаруживает себя вполне» (том XVIII, ч. 1, стр. 206).

Из этого утверждения вытекают выводы величайшей важности. Раз, помимо тех корней бюрократизма и экономической отсталости страны, некультурности, которые превращают бюрократизм в спутника нашего государственного аппарата на очень многие годы, имеются и такие корни, которые рождены результатами войны, то самое изживание этих результатов войны—преодоление разрыва города с деревней, установление и усиление связи и взаимодействия между ними, каждый шаг вперед по пути победы над нищетой, бездорожьем и неграмотностью—открывают новые возможности преодоления бюрократизма, новые возможности оттеснить бюрократизм.

Исходя из этих открывающихся возможностей в связи с грядущим экономическим и культурным под'емом советской

страны, Владимир Ильич оценивая целиком всю трудность предстоящей работы, вместе с тем развертывает практическую программу, вводя в нее целый ряд указаний, которых не было раньше, уточняя и подчеркивая ряд старых указаний: все усилия направить на то, чтобы вызвать большую инициативу мест вплоть до волости и села; добиваться образцовой постановки местной работы, которая могла бы послужить для других примером того, как нужно работать; преодолевать вредную косность государственного аппарата притоком сил, идущих снизу, контролем всей системы работы, складывающейся внизу: систематически, неуклонно продвигать снизу вверх выросшие молодые силы; не останавливаться перед трудностями, начинать снова и снова, повторно «исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче» (том XVIII, ч. 1, стр. 206).

Ленин констатирует, что «центральный аппарат у нас за три с половиной года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность» (том XVIII, ч. 1, стр. 208—209). В Москве дело обстоит особо плохо «*Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим «местом» в Республике*» (том VIII, ч. 1, стр. 209).

Отсюда вывод вовсе не о том, что наше государство не пролетарское, или недостаточно пролетарское, как это позже пытается сделать Троцкий, опираясь на факт наличия бюрократического извращения в нашем государственном аппарате.

Анализируя все встающие трудности, описывая бюрократические извращения аппарата, Ленин это делает не для того, чтобы звать партию отказаться от самой себя, не для того, чтобы звать партию назад к отказу от пролетарского государства, а для того, чтобы подчеркнуть всю необходимость, всю неотложную необходимость самой настойчивой, неустанной, непрерывной борьбы изо дня в день с наличием бюрократических извращений в нашей государственной машине.

К сожалению, эта сторона брошюры Ленина о продналоге пока-что мало изучается. Между тем, нельзя признать случайным тот факт что, разрабатывая вопрос о самом переходе к новой экономической политике, Ленин в этой брошюре такое большое место одновременно уделяет тому, как партия должна преодолевать и побеждать имеющиеся бюрократические извращения в нашей государственной машине.

Наказ СТО с этой точки зрения представляет собою только практическое развитие мыслей, изложенных в брошюре о продналоге. Это—поразительный документ, который должен был бы служить для каждого учреждения образцом того, как нужно у нас работать. Действительного знания его нужно было бы требовать от каждого государственного служащего.

Несмотря на то, что многие вопросы, тогда бывшие очередными, теперь уже решены и отошли в историю, этот документ живет еще в каждой своей строчке. Многие из вопросов в области улучшения государственного аппарата, о которых спорят и будут спорить еще очень долго, именно здесь решены в корне, исключительно ясно, с охватом вопросов, стоящих перед всеми без исключения частями государственного аппарата.

В наказе СТО местным советским учреждениям Ленин дает практическую программу работы. Основное место здесь уделено конкретизации лежащей в основе брошюры о продналоге мысли о необходимости развертывания местной инициативы и местного опыта. Главная задача поощрить в наибольших размерах местный почин, самостоятельность, устранить волокиту и бюрократизм путем контроля работы центрального аппарата местным опытом и обратно. По существу весь «наказ», разработанный исключительно подробно, и представляет собою развитие этой мысли.

В первую группу вопросов, которые Ленин считает особенно острыми, требующими особо напряженной работы мест, он включает вопрос о приемах и результатах борьбы с бюрократизмом и волокитой. Поскольку он не надеется, что на вопрос о том, какие приемы и результаты борьбы с бюрократизмом и волокитой отмечаются на местах, последуют положительные ответы, он снова напоминает о задаче реорганизации Рабоче-Крестьянской Инспекции. Привлечение беспартийных в Рабоче-Крестьянскую Инспекцию, судебное преследование лиц, виновных в бюрократизме и волоките, сокращение числа служащих и их отбор, проверка и согласование работы ведомств... таковы те приемы работы Рабкрина, которые Ленин рекомендует систематически, неуклонно, повторно, многократно испытывать, сравнивать, изучать.

Особенно нужно остановиться именно теперь на вопросе о том, как Ленин представлял себе отчеты местных организаций центральным. У нас бумага превратилась в настоящее бедствие. Бумажные отчеты стали сами источником бюрократизма; под бумагой тонет живое дело. Когда РКИ ставит практически вопрос о том, что большую часть этих бумаг нужно уничтожить беспощадно для того, чтобы высвободить живое дело, находятся охотники, которые кричат: караул, вы режете основы социалистического учета, вы подрываете основы культуры и техники управления.

Поскольку приходится слушать такого рода крики, небесполезно будет несколько подробнее напомнить читателю, как Ленин ставил вопрос об отчетах, справедливо полагая, что правильная постановка отчетности есть одно из самых существенных условий использования местного опыта центром и контроля местных организаций центральными.

Каждому государственному работнику стоит перечесть указываемые Лениным три группы вопросов, которые Ленин ставит перед местными организациями, и сравнить это с тем, что имеется на деле в нашем государственном аппарате.

Вот к примеру по вопросу о колхозах Ленин требовал: «не менее двух раз в год обязательно точные сведения о числе всех видов колхозов (коллективных хозяйств), с подразделением на поставленные заведомо хорошо, сносно и неудовлетворительно. Одно типичное хозяйство каждой из этих последних трех групп должно быть не менее двух раз в год описываемо подробно: с точным указанием всех данных об описываемом хозяйстве, его величины, местонахождения, итогов производства, помощи от него крестьянскому хозяйству и т. д.» (том XVIII, ч. 1, стр. 228).

А у нас правление колхозной секции при Сельскосоюзе требует от каждого колхоза заполнения анкеты в добрую тысячу вопросов, и сомнение в целесообразности этой анкеты

в тысячу вопросов воспринимается как варварский, некультурный подход к тому, что есть колхоз.

Вот и сравните: на одной печатной странице Лениным изложены все вопросы, которые он ставит перед местами в области товарообмена с крестьянством; на одной печатной странице он излагает все вопросы, интересующие Совет Труда и Обороны в области расширения круга государственных работников по хозяйственному строительству, включая сюда свою коренную, исходную мысль о необходимости контроля беспартийных над коммунистами, о необходимости привлечения беспартийных в РКИ, о необходимости расширить привлечение беспартийных; на одной печатной странице им изложены вопросы, касающиеся под'ема сельского хозяйства, промышленности, топлива и т. д.

Боюсь, что если такой тип отчетности предложить теперь многим руководителям существеннейших отраслей народного хозяйства и государственного управления, то приняли бы за сумасшедшего.

В речи на заседании ВЦИК'а 8-го созыва 30 мая Ленин поясняет, как любой отчет может превратиться в источник усиления бюрократизма. Это может иметь место при двух условиях: если отчетов будет слишком много, чрезмерно много, и если способ их составления не даст гарантии возможности проверки.

Характерно, что Владимир Ильич все эти отчеты местных организаций Совету Труда и Обороны считал необходимым сделать доступными беспартийным массам и населению вообще. Он заботится не о том, чтобы описать каждый шаг того или другого низового работника в бесконечном количестве бумаг, а о том, чтобы выявить путем таких отчетов, кратких, доступных беспартийным, действительный опыт мест, действительно лучшие образцы, которые можно было бы сделать примерами, обязательными для всех.

Он хочет отчеты сделать не средством оболванивания слушателей отчетов и работников, вынужденных эти отчеты составлять, а средством втягивания широких масс в работу хозяйственного строительства. *(Кстати, нашим земельным работникам, догадавшимся для агрономов составить анкеты до 20 тыс. вопросов, не мешает вспомнить о том, что Ленин для небольших уездных центров рекомендовал отчеты в один печатный лист, и то, не раз в два месяца, а раз в четыре или «может быть более продолжительный срок»).* (Том XVIII, ч. 1, стр. 262).

По словам Ленина, отчетность—средство «изучения практического опыта, обмена опытом, взаимоконтроля...» (стр. 221, том XVIII, ч. 1), а не средство оглушения местных работников ненужными бумагами. Ленинское правило брать не количеством, а *«соединять возможно большую краткость с точностью ответа на поставленные вопросы»* (стр. 222, том XVIII, ч. 1). Весь наказ СТО местным организациям, вся схема отчета местных организаций по всем вопросам хозяйственной жизни—12 страничек. Пожалуй меньше чем в 15 томах иаши, ставшие очень образованными, культурными, день и ночь говорящими о НОТ'е, о рационализации администраторы, не согласились бы изложить то, что Ленин изложил на 12 страничках.

В следующие месяцы Ленин вводит в отношении борьбы с бюрократизмом новую тему. Он развивает и старые темы: о длительности нашей борьбы с бюрократизмом; об уровне культуры, о последствиях разорения и обнищания, как причинах существования бюрократизма; о необходимости развития инициативы мест, как одного из средств преодоления бюрократизма, о необходимости увязки через отчеты мест с центром... В заключительном слове на майской конференции, он вводит новую тему, являющуюся и теперь не менее злободневной, чем шесть лет тому назад—об обязанностях коммуниста в деле борьбы с бюрократизмом. С бюрократизмом бороться трудно, его голыми руками не возьмешь, здесь нужно по 20—30 раз пробовать, повторять, начинать с начала, не впадая в панику от отдельных неудач. «Голыми руками не возьмешь Южбум»,—говорил на конференции Ленин. Эта война труднее, чем война гражданская: «когда мы вели войну с Деникиным, мы не шли на него с голыми руками, а крепко вооружались и организовывали армии»... (том XVIII, ч. 1, стр. 256). «Если мы так подойдем, то мы выдержим эту войну, хотя эта война куда труднее, чем война гражданская»... (том XVIII, ч. 1, стр. 257).

Какие же выводы из этого? Ленин травит коммунистов, умеющих рассказывать о бюрократических происшествиях и не умеющих с бюрократизмом бороться. Он спрашивает сознательного коммуниста, что он сделал для борьбы с тем или иным, им отмеченным бюрократическим безобразием. Он предлагает сделать суд орудием пролетарской власти, орудием коммунистической партии в деле борьбы с бюрократизмом, с волокитой. Он спрашивает: «А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз придти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту? Это шутка хлопотливая, конечно, скажет всякий... Пожалуй, такой-то обидится»... (том XVIII, ч. 1, стр. 256—257).

В письмах к Соколову и Мясникову он разрабатывает ту же тему об обязанностях коммуниста окружать бюрократизм по всем правилам военного искусства; травить за бюрократизм через ЦКК; каждому коммунисту искать средства исправления; проверять беспартийными работниками партийных, а тем самым, значит, ставить партийного в такое положение, чтобы беспартийный мог его проверять.

В речи на с'езде Политпросветов, в которой с необычайной выпуклостью в октябре 1921 года поставлен вопрос об обязанностях коммунистов в их работе среди беспартийных, Ленин снова подчеркивает: основное в том, что почти никто не пользуется теми возможностями, которые дают советские законы для борьбы с бюрократизмом и волокитой. И громадный процент коммунистов не умеет пользоваться этими возможностями: «У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться» (том XVIII, ч. 1, стр. 352). «И не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с воло-

китой, бюрократизмом»... (том XVIII, ч. 1, стр. 352). (Кстати сказать, характеризуя те качества коммунистов, за которые нужно изгонять из партии, Ленин среди этих качеств не забывает подчеркнуть неумение бороться с волокитой и взятками). А поскольку никаких успехов нельзя добиться в этой борьбе вне помощи народных масс, поскольку ее «можно завершить только, если сама народная масса помогает» (стр. 352, XVIII том, ч. 1), постольку в этой организации масс для борьбы с бюрократизмом и волокитой Ленин видит важнейшую обязанность коммуниста.

Через год после введения нэпа на заседании коммунистической фракции Союза Металлистов Ленин настаивает на необходимости бороться с коммунистами, умеющими только устраивать комиссии, а неумеющими вести практической работы. И больше того, против таких коммунистов он предлагал поднимать беспартийных: «Самый худший у нас внутренний враг— это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает. *От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может*» (том XVIII, ч. 2, стр. 15) (наш курсив).

И, наконец, в речи на XI с'езде Ленин об'ясняет, почему коммунист часто не умеет вести борьбу с волокитой и бюрократизмом: «Нехватает культурности тому слою коммунистов, который управляет»... (том XVIII, ч. 2, стр. 39).

(Здесь нужно упомянуть о том, как, рассказывая о волоките с покупкой заграничных консервов, Ленин предложил виновных из МСПО посадить в худшую Московскую тюрьму на 6 часов, а виновных из Внешторга на 36 часов, как впоследствии оказалось, что «виновные не найдены» (стр. 44, того же тома). «Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дело делать—бестолковщина и безолаберщина» (стр. 44, ч. 2, том XVIII).

Тут мы подошли к новому вопросу, с особенной настойчивостью выдвигавшемуся Лениным в это время: «виновные не найдены».

Мы недавно рассматривали на коллегии НК РКИ СССР вопрос о снабжении Туркестана хлебом. Дело обстояло безобразно. Хлеба туда доставили больше чем нужно, а крестьянин хлеба не получил. Цены на хлеб вскочили неимоверно, а виновников не найдешь. Все перестраховались. Дело достойно тюрьмы. Здесь и Наркомторги соответствующих союзных республик, здесь и уполномоченный Наркомторга по Средней Азии, здесь и Главхлопком, здесь и Средазхлеб, здесь и огромное количество постановлений советских и партийных органов. Мы ищем виновных. Виновные—есть, а выделить их неимоверно трудно, так как все перестраховались. Чем это дело и сотни таких же отличается от знаменитого дела с консервами? По сути одно и то же. Потому с новой силой Ленин выдвигает вопрос об ответственности и проверке исполнения.

С особой остротой этот вопрос Ленин ставит на коммунистической фракции Союза Металлистов 6 марта 1922 года. Он дает снова характеристику нашей практики в области государственного управления: «Мы, действительно, находимся в положении людей—и надо сказать, что положение это очень глупое,—которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы,—до бесконечности. Был такой тип русской жизни—Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий» (том XVIII, ч. 2, стр. 14).

О роли бумаги Ленин говорит так, как будто бы это относится не к 1922, а к 1926—27 гг.: «*Сколько у нас коммунистов сидит в государственных учреждениях? У нас имеются громадные материалы, солидные труды, которые бы привели в восторг самого пунктуального ученого немца; у нас имеются горы бумаги и нужно 50 лет работы Истпарта, умноженных на 50, чтобы во всем этом разобраться, а практически в гострeсте вы ничего не добьетесь и не узнаете, кто за что отвечает*» (том XVIII, ч. 2, стр. 14—15). (курсив наш). Выход один. Нужно добиться того, чтобы знать, кто за что отвечает, нужно добиться действительной проверки исполнения. Заседаниям, которые у нас часто превращаются в «игру», Ленин противопоставляет действительное практическое исполнение декретов, проверку исполнения, постановку этой проверки. Соответственно, говорит он, изменяется «и гвоздь нашей внутренней политики» (том XVIII, ч. 2, стр. 15).

О том же, о необходимости установления начал ответственности и проверки исполнения Ленин пишет в письме т. Цюрупе 24 января 1922 года [1]), намечая, что должны делать РКИ и ЦКК:

...«(у нас полная фактическая безответственность на верхах, в Наркоматах, в их отделах и саботажники великолепно этим пользуются; в итоге—обломовщина, которая губит дело)»...

...«Центром тяжести вашей работы должна быть именно эта переделка нашей отвратительно-бюрократической работы, борьба с бюрократизмом и волокитой, *проверка исполнения*» (курсив Ленина).

На XI с'езде из анализа истории с консервами он делает те же выводы: повысить работу ответственных работников, чтобы они отвечали за свою работу; урезать комиссии, иначе неизвестно, кто за что отвечает, кто в чем виноват: «вместо того, чтобы отвечать за свое дело, вынести решение Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ,—прячутся за комиссии. В комиссиях черт ногу сломит, никто ничего не разберет, кто отвечает: все спуталось, и, в конце концов, выносится такое

---

[1]) Письмо оглашено т. Орджоникидзе на XV Московской губпартконференции.

решение, в котором все ответственны» (том XVIII, ч. 2, стр. 53). «*Центр тяжести* перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения» (стр. 53, ч. 2, том XVIII).

Не учит ли нас эта речь Ленина следующему: Владимир Ильич организационные и политические выводы делал на основании истории с консервами. Мы и в своей РКИ-стской работе и в работе других ведомств в погоне за обследованиями нагромождаем горы бумаг, нагромождаем доклады и отчеты в целые тома, а выводов очень часто не даем. Отсюда очень часто наблюдающаяся в работе РКИ своеобразная диспропорция между количеством материалов и теми выводами, которые из них сделаны. Работали люди год, добрались до последнего счетовода, а когда дело доходит до практических предложений, выходит просто мышиный хвостик.

Отсюда, между прочим, следует необходимость изменить работу в том смысле, чтобы в работе по обследованиям по темам, требующим некоторых общих выводов, вместо погони за огромными обследованиями, огромным количеством об'ектов, сосредоточиться действительно на двух—трех об'ектах, могущих быть признанными типичными, на тех десяти—двадцати—тридцати вопросах, которые являются больными, с тем, чтобы, таким образом, получить ответ на вопросы, ставшие острыми и неотложными в тот или иной момент. РКИ пытается соответствующим образом изменить свою работу, не худо было бы, если бы каждое ведомство и учреждение попробовало себя проверить ленинской меркой, не пытаясь себя приукрасить.

В речи на XI с'езде подбор людей, проверка исполнения выдвинуты в качестве наиболее важнейшей задачи. Но с этим переплетаются и все те другие методы борьбы с бюрократизмом, которые Лениным выдвигались в течение последнего года: инициатива мест, развитие автономии и самодеятельности местных органов, использование опыта мест путем возложения большей работы на сессии ЦИК, которые действительно должны обсуждать проекты законов. Ленин требует, чтобы сессии ЦИК были более длительны, чтобы они разделялись на секции, подкомиссии и сумели провести работу более строго, работая над главной задачей момента—использование опыта мест, проверка исполнения, проверка людей.

На 4-м конгрессе Коминтерна в обращении к иностранным коммунистам (13 ноября 1922 г.) и в речи на Московском Совете (19 ноября 1922 г.) Ленин снова возвращается к задаче работы над государственным аппаратом. Государственный аппарат у нас в значительной степени старый. Наша задача работать над его переделкой. У нас нет еще достаточных кадров для руководства служащими. Сроки для полной переделки большие,—тем более необходимо неуклонно работать над этой переделкой.

29-го ноября 1922 года в письме к Всероссийскому С'езду Союза Совработников у Ленина не говорится ни о чем другом, кроме работы над улучшением государственного аппарата: «*Дорогие товарищи! Главнейшей очередной задачей настоящего времени и на ближайшие годы—важнейшей—является систематическое уменьшение и удешевление советского аппарата путем сокращения его, более совершенной организации, уничтожения волокиты, бюрократизма и уменьшения непроизводительных расходов. Вашему Союзу предстоит в этом направлении большая работа.*

Желая V Всероссийскому С'езду Профсоюза Совработников успеха и плодотворной работы, я выражаю надежду, что он специально обсудит вопрос о советском аппарате.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)»

(том XX, ч. 2, стр. 528).

Я привожу здесь целиком это письмо не только потому, что оно дает исчерпывающую формулировку задач партии в области улучшения государственного аппарата и в настоящее время, но и потому, что оно является прямым введением к последним ленинским документам—статьям о Рабкрине.

Достаточно продумать весь ход ленинской мысли за годы советской власти по вопросам борьбы с бюрократизмом, чтобы убедиться в том, что его предсмертные статьи о Рабкрине просто подытоживали то, что у него назрело за прошедшие годы.

Эти предсмертные документы чаще всего прочитываются, их хорошо знает каждый партиец. Я остановлюсь поэтому в еще более кратком виде на них, только постольку, поскольку необходимо подчеркнуть их органическую связь со всем тем, что говорил, что писал, что делал Владимир Ильич раньше. Он характеризует конкретно суть бюрократических извращений в нашем государственном аппарате—наш государственный аппарат в своей огромной части «представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям» (том XVIII, ч. 2, стр. 112). Он намечает основной путь обновления аппарата: надо обратиться к самим рабочим массам, надо обратиться «за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры» (стр. 112, ч. 2, том XVIII).

Основной здесь вопрос—культура, действительная переделка государственного аппарата, связанная с под'емом к управлению новых слоев рабочих и крестьянских масс, а это и есть наилучшее выражение того, что Ленин называет культурной революцией: «именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, быт, привычки...» (том XVIII, ч. 2, стр. 116).

Сопротивление действительной работе по улучшению государственного аппарата, несомненно, будет оказано. Сопротивление будет исходить «от сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия, дореволюционном виде, в каком он остается и посейчас» (том XVIII, ч. 2, стр. 113). Таким противникам действительной работы над переделкой государственного аппарата «сопротивление нужно будет оказать гигантское» (том XVIII, ч. 2, стр. 118). И вместе с тем Ленин, конечно, против размашистости, суетни, не только бесполезной, но и засоряющей учреждения и мозги.

Из этой оценки положения, из этой характеристики государственного аппарата и задач, стоящих в отношении государственного аппарата, вытекают основные черты Рабкрина: сочетание партийного, учреждения с советским; соответствующий подбор состава служащих, сочетающий основные типы наших партийных практиков, теоретиков, учащихся, агитаторов, чекистов; сочетание должностной работы с учебой... и все это во имя того, чтобы построить такой государственный аппарат, который

позволил бы нам сохранить руководство рабочих над крестьянами: «мы должны свести наш аппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата» (том XVIII, ч. 2, стр. 128).

Задачи РКИ и ЦКК у Ленина увязываются с общим планом нашей политики, стратегии и тактики. Во имя того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас до того, пока пробьет час мировой революции «мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств» (том XVIII, ч. 2, стр. 128).

И, наконец, в другой своей предсмертной статье о кооперации Ленин также увязывает задачи улучшения государственного аппарата с коренными вопросами нашей стратегии и тактики: «Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это—задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства» (том XVIII, ч. 2, стр. 134).

Нам остается в целях уточнения вопроса остановиться еще на одной стороне дела.

Бюрократизм—это отрыв аппарата управления от масс, это превращение органов управления трудящихся в органы, стоящие над рабочими массами, это превращение выборных и под'отчетных избирателям членов советов в чиновников, стоящих над трудящимися массами. Поскольку это так, конечно, нельзя свести дело борьбы с бюрократизмом только к улучшению техники управления. Самое образцовое чиновничье учреждение в Пруссии, быстро работающее, аккуратно выполняющее поручения, с честными чиновниками, насквозь все же учреждение бюрократическое, поскольку оно является аппаратом, стоящим над массами, аппаратом угнетения буржуазией трудящихся масс. Их классовая основа предопределяет их бюрократическую сущность, а у нас, где классовая основа пролетарского государства другая, само собою разумеется, другие корни бюрократизма. Но и у нас, поскольку за государственный аппарат идет в скрытых, а иногда и в явных формах борьба между господствующим рабочим классом и возрождающимися в той или иной форме буржуазией и кулачеством, дело, конечно, нельзя свести только к тому, чтобы аппарат работал без перебоев и каждый чиновник знал свое дело. Наша пролетарская природа государственного аппарата обеспечивается в первую очередь теми методами преодоления бюрократии, на которых Ленин настаивает десятки раз с 1917 по 1922 год—это развитие всех мер по вовлечению трудящихся в управление, по осуществлению выборности, сменяемости работников государственного аппарата, по превращению советов в органы, действительно соединяющие законодательство и управление,—в органы, непосредственно сливающиеся с массами трудящихся. Из года в год Ленин вновь выдвигает и с новой силой

подчеркивает ту мысль, что коренные улучшения в области государственного аппарата могут быть достигнуты только путем все расширяющегося вовлечения масс в управление.

Где же лежит основное русло, по которому должно итти это вовлечение масс?

Совершенно несомненно, что это русло—советы.

Основной путь к преодолению бюрократизма Ленин видит в развитии пролетарской демократии.

В этом нас убеждают не только послеоктябрьские работы Владимира Ильича, но и такая важнейшая его работа как «Государство и Революция», написанная, как известно, до Октября.

Уже в этой работе основную меру, предотвращающую превращение рабочих и крестьян в советах в бюрократов, Ленин видит в развитии пролетарской демократии. (Условия для этого—тут Ленин ссылается на Маркса—выборность, сменяемость, оплата чиновников не выше среднего рабочего, сочетание законодательства с управлением).

Анализ ленинского чернового наброска программы, написанного в начале 1918 года, и текст программы, принятый уже в 1919 году, снова подчеркивают, что основной ленинский путь борьбы с бюрократией—в развитии пролетарской демократии, в расширении вовлечения масс в управление.

Особенно характерен ленинский набросок программы. Он, требуя от партии работы над проведением полностью того высшего типа демократизма, которым является советская власть, ставя задачу все большего сближения советов с массами, проведения ответственности и подотчетности должностных лиц, именно в этой связи раз'ясняет, где лежат пути к преодолению возрождающегося бюрократизма.

То же и в программе партии. Пункт 8 программы партии, указывая на частичное возрождение бюрократизма внутри советского строя, декларируя самую решительную борьбу с бюрократизмом, «отстаивает для полного преодолевания этого зла следующие меры: 1) Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством. 2) Последовательную смену этих работ, с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления. 3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» (том XVI, стр. 477—478).

Каковы же практические выводы из всего этого обзора ленинской постановки вопроса о борьбе с бюрократизмом?

Мы имеем ныне налицо три основных предпосылки возможности потеснить бюрократию, возможности добиться новых побед в деле борьбы с бюрократическими извращениями госаппарата.

Первой предпосылкой является то, что мы с окончанием восстановительного периода уничтожили целый ряд причин, обострявших бюрократизм (здесь дело идет о всех тех корнях бюрократизма, которые Ленин рассматривал как наследие войны и осады).

Во-вторых, в процессе экономической культурной работы, в процессе работы по восстановлению разрушенного хозяйства выковывался кадр низовых работников, подбирались кадры работни-

ков, могущих поднять многое из того, что раньше в силу слабости низового аппарата должен был брать на себя центр.

В последствиях войны и осады с одной стороны, в неизбежных отчасти перегибах централизма, с другой стороны (вспомните то, что Ленин говорил о Москве, как центре бюрократизма), Ленин видел причины обострения бюрократических извращений в государственном аппарате. Если к этому прибавить третье—то, что в условиях войны и отчасти голода неизбежно сжималось участие масс в управлении государством, советы часто сводились к исполкомам, исполкомы—к президиумам,—а в нынешних условиях экономического и культурного под'ема советской страны разворачивается огромная работа по оживлению советов,—то мы имеем налицо три условия, определяющие возможность новых успехов в деле борьбы с бюрократическими извращениями в государственном аппарате.

Ленин видел важнейшие препятствия развертыванию нашей борьбы с бюрократическими извращениями госаппарата, во-первых, в экономических результатах войны, во-вторых, в недостаточно добротном качестве низового аппарата, в-третьих, в недостаточно проводящемся вовлечении масс в управление.

У нас налицо: экономический под'ем, уничтожающий наследия войны; огромный рост качества низового аппарата (который, кстати сказать, во всем об'еме мы еще недостаточно оценили); проводящееся оживление советов, обрастающих целой системой организаций, секций, комиссий, непосредственно связывающих советы с массами. Отсюда те новые возможности борьбы с бюрократическими извращениями в госаппарате, которые открываются теперь перед нами, которые делают возможным многое из того, что было невозможным еще недавно.

В то же время анализ ленинской постановки вопроса о бюрократизме приводит партию к необходимости, к обязательству пересмотра государственного аппарата, пересмотра системы управления каждый раз, когда встают новые задачи.

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» в 1921 году Ленин писал: «Доделывать, переделывать, начинать сначала нам придется еще не раз. Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх, в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 379).

Мы заканчиваем восстановительный период, у нас вырастают величайшей важности новые задачи, мы вплотную подходим к реконструкции нашей промышленности, мы в упор подходим к задаче переделки крестьянского хозяйства на кооперативных основах. Эти новые задачи требуют того, чтобы госаппарат мог решать их бесперебойно с необходимой быстротой и четкостью. Такие задачи, которых не было 5—6 лет назад (постройка новых заводов, школ, больниц, развитие с.-х. кооперации и т. п.), требуют такой организации госаппарата, которая позволила бы максимально вовлечь местные силы и средства, максимально

увеличить ответственность местных организаций, которая позволила бы в пределах единого плана реконструкции страны без лишней затраты труда и времени делать очередной шаг по пути социалистического строительства.

Это несоответствие сложившегося аппарата новым потребностям мне пришлось с особенной наглядностью увидеть на Нижегородской конференции. Там по докладу о задачах контрольных комиссий в деле борьбы с бюрократизмом выступило десятка два товарищей, работников волостей, уездов и губерний. Они приводили десятки, если не сотни примеров того, как наш аппарат мешает теперь делу строительства в ряде отношений. Каковы были эти примеры, из каких областей они были приведены? Губернские работники рассказывали о строительстве новых заводов, уездные рассказывали о ходе агрономической и культурной работы, волостные рассказывали о волостном хозяйстве, о волостных бюджетах.

Ведь обо всем этом не было и речи 5—6 лет назад, все это новое, это все дано новым периодом нашего развития, это все требует аппарата, в достаточной мере приспособленного. Отсюда, из несоответствия между системой сложившегося в восстановительный период управления и вновь вставшими задачами социалистического строительства, то обострение бюрократизма и то обостренное отношение масс к бюрократическим извращениям, которое несомненно наблюдается теперь.

Из этих посылок и вытекает основное. У нас налицо обострение противоречий между экономическими и культурными потребностями социалистического строительства и системой управления. Но у нас же налицо новые, до сих пор еще невиданные возможности по борьбе с бюрократическими извращениями, по борьбе за переделку госаппарата, за упрощение его, за приближение его к массам. Отсюда то исключительное внимание, которое партия начинает уделять вопросам Рабкрина. Мы подошли вплотную к тому времени, когда то основное, что Ленин дал в разработке задач Рабкрина, как во времена военного коммунизма, так и в предсмертных статьях, должно быть претворено в действительность, а это значит, что партия пред'являет к Рабкрину новые требования, это значит, что Рабкрин должен вернуться к исходным установкам Ленина, в них найти способы разрешения очередных задач в деле пересмотра нашего государственного аппарата.

Какая программа работы Рабкрина, какие методы его работы вытекают из ленинских посылок? Это, во-первых, новая увязка РКИ с массами. РКИ нужно вырваться из рамок своих собственных 300—400 более или менее хороших чиновников, ей нужно вырваться к массам. Это нужно сделать обязательно, иначе РКИ не сможет выполнить поставленных задач.

Отсюда, например, такая постановка вопроса о пересмотре советского аппарата: вместо того, чтобы возложить, как это было раньше (и, пожалуй, иначе не могло быть), эту задачу на аппарат самой РКИ, мы пробуем обратиться к самим советам, мы пробуем привлечь к этому делу беспартийных крестьян. В 6 губерниях губисполкомы, уездные исполкомы, городские советы,

волостные исполкомы и сельсоветы по заданию Рабкрина сами прорабатывают вопрос о том, какие изменения необходимо внести в нашу практику управления. Мы дали задание непосредственно советам, с ними связались, чтобы получить таким образом непосредственно обобщенный опыт. Одновременно из крестьян, находящихся в Москве, среди которых имеется не малое количество выдающихся людей, выросших на опыте местной и центральной работы, мы посылаем большую группу—13 человек, непосредственно в сельсоветы и вики, чтобы они там, вместе с сельскими, волостными работниками проработали вопрос о том, какие изменения необходимо внести в конституцию своей работы. Одновременно мы ставили все эти вопросы прямо перед общественным мнением страны. Мы запросили через «Бедноту» и «Крестьянскую Газету» прямо низовых работников и крестьян, сталкивающихся с советским аппаратом: что больше всего тормозит вашу работу, где больше всего вами замечается волокита, какие у вас предложения? Мы в течение недели получаем дельные предложения, до которых не додуматься ни одному чиновнику ни в одном центре. (Нам предложили отчетность свести к ясным отметкам на плане работ того, что выполнено и что не выполнено; нам предложили порядок распределения леса, который вместо 14 инстанций сводит дело к 5 инстанциям; нам предложили порядок регистрации кооперативов, который освобождает крестьянина от излишней волокиты; нам предлагают такую организацию семенных фондов, которая, приближая это дело к волости, может, наконец, вырвать его из нынешнего безнадежного состояния и т. д., и т. д.).

Эти примеры мы здесь приводим только для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что если мы постараемся по всей линии работы по улучшению советского аппарата непосредственно прислушиваться к тому, что рекомендовал делать Ленин, мы сможем найти выход из трудностей, которые иначе не могли бы быть преодолены. А работа самой РКИ—ЦКК в области пересмотра советского аппарата будет завершать работу самих советов, самих рабочих и самих крестьян.

Теми же методами нужно итти и в области пересмотра хозяйственного управления. А этот пересмотр—пересмотр советского управления во всех областях—назрел до крайности и стал возможным в силу тех условий, на которые мы указали выше.

Еще одна сторона дела. Владимир Ильич предупреждал в своих предсмертных статьях о Рабкрине, да и не раз еще раньше (мы приводили выше эти ленинские предупреждения): «Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями» (том XVIII, ч. 2, стр. 124).

Всю серьезность этого предупреждения нужно иметь в виду, именно потому, что своеобразие нынешнего положения в том,

что мы добились ряда серьезных успехов в работе нашего госаппарата. Ведь наш государственный аппарат теперь лучше, чем был 2—3 года назад, а в то же время крайне обострился бюрократизм в силу того, что этот улучившийся аппарат недостаточно приспособлен к решению вновь встающих очередных задач социалистического строительства. Работники, работающие непосредственно в госаппарате, чувствуют это улучшение, но будучи разбросаны непосредственно по отдельным частям крайне разветвленного аппарата, не всегда достаточно ясно воспринимают все те случаи, когда этот аппарат требует значительного изменения методов работы и приемов организации. В итоге даже пустяковые улучшения встречают бешеное сопротивление. Так у нас было, когда обсуждался вопрос о необходимости ликвидации части явно излишних в настоящее время бирж; так это происходит теперь, когда обсуждается вопрос о необходимости передачи дела страхования волости самому низовому аппарату; так это происходит теперь, когда НК РКИ подошел в упор к необходимости ликвидации губернских трестов совхозов. Эти губернские тресты совхозов стали излишними, несмотря на то, что они выполняли год и два года назад полезнейшую роль. Они стали не только излишними, но и вредными. Они связывают совхозы по рукам и ногам, они поедают государственные дотации, которые не доходят до совхозов (содержание трестов совхозов падает на 1 десятину сельхозугодий расходом—по Вологодской губ.—10 р. 45 коп., Новгородской—5 р. 20 коп., Ленинградск.—9 р. 10 к., Моссельпемхоз—15 р. 35 коп., Орловской—8 р. 40 к., Гомельской—5 р. 50 к., Тамбовской—3 р. 30 коп. и т. д.). А попытка НК РКИ СССР поставить вопрос о ликвидации этих губернских трестов и о создании таких гибких организаций, которые позволили бы направлять все государственные средства непосредственно в совхозы, встречает решительное сопротивление, рассматривается чуть ли не как незаконное вмешательство НК РКИ в дела другого ведомства.

Точно так же в любой мелочи, о которой собственно и говорить не стоит, когда НК РКИ СССР ставить такой пустяковый вопрос, как вопрос о том, что в актах гражданского состояния не нужно записывать десятки вопросов, не нужно зря мучить людей, нужно свести количество вопросов, пред'являемых к отцу ребенка, жениху и невесте, сыну умершего и т. д., до минимума, абсолютно необходимого, так подымается вопль со всех сторон: со стороны ЦСУ, со стороны соответствующих ведомств, со стороны работников-рационализаторов.

(Едва ли может служить к ведомственному украшению и такое контрвозражение ведомства, которое применил тов. Рудзутак. Он в ответ на указание тов. Орджоникидзе о том, что отчетность, представляемая в НКПС, насчитывает 18.000 страниц, заявляет, что отчетность, представляемая НКПС по запросам РКИ, составляет 24.000 страниц. Итак, выходит не 18.000 страниц, которые бичевал тов. Орджоникидзе, а 42.000, о которых НКПС молчал, пока тов. Орджоникидзе не поднял всего вопроса в целом).

Нужно сразу оценить все возможное сопротивление для того, чтобы партия твердо укрепилась во всех своих организациях на признании необходимости это сопротивление преодолевать...

О том, какие выводы из всего этого вытекают для работы местных организаций, уже записано в постановлениях Московской и Нижегородской партконференций. Приводим здесь выдержку из постановления Нижегородской конференции, которая конкретизирует в своих условиях работу партии в настоящий момент в области улучшения государственного аппарата. Губконференция считает необходимым оказание всемерной поддержки со стороны каждого члена партии работе РКИ и ЦКК:

а) «путем сосредоточения внимания всей партийной организации на ближайшее время на выполнении плана РКИ и на конкретных мероприятиях в этом направлении в данных местных условиях;

б) путем широкого обсуждения в партийных и беспартийных организациях тех проектов изменений законов и порядков в области управления, которые будут намечены в РКИ и ЦКК. В частности, подробному обсуждению должны быть подвергнуты проекты изменений положений о заводах и трестах, проекты децентрализации в области управления, проекты упрощения центральной советской системы;

в) путем проработки Нижегородским Губисполкомом и Советами Нижегородской губернии в связи с НК РКИ и ЦКК вопроса о взаимоотношениях мест и центра, исходя из необходимости привести круг их обязанностей в соответствие с потребностями их экономической и культурной работы и освободить их от дергания, опеки и бумажного потока со стороны верхних звеньев;

г) путем усиления массовой работы городских советов и их секций и комиссий и решительного устранения еще имеющихся препятствий к полному развертыванию их работы на основах нового положения о горсоветах;

д) путем мобилизации внимания масс беспартийных рабочих и крестьян, через профсоюзы и советы для обнаружения и борьбы с конкретными носителями бюрократического зла;

е) путем усиления работы по ознакомлению рабочих и крестьян с советскими законами и помощи им пользоваться своими правами;

ж) путем решительного отпора тем работникам в наших аппаратах, которые попытались бы противопоставить твердому решению партии усилить борьбу с бюрократическими безобразиями и излишествами формальные и канцелярские отговорки, чиновничье самодовольство, рутинерство и косность;

з) путем привлечения к судебной ответственности работников государственного аппарата, виновных в недопустимой волоките и невнимательном отношении к рядовому рабочему или крестьянину;

и) путем усиления в печати как центральной, так и местной, и заводской борьбы и разоблачения негодного в нашем аппарате. Конференция обращает внимание редакций газет на необходимость не затушевывать, но приглушать указаний рабочих и крестьян на то или иное безобразие в нашем государственном аппарате, а освещать их полностью и обеспечить в то же время как правильность помещаемого материала, так и наблюдение за тем, чтобы в ответ на то или иное разоблачение ведомства или учреждения не ограничивались бы отписками, пустыми, формальными отговорками. Установить большую ответственность за неправильные опровержения и формальные отговорки».

Таковы основные выводы. Коротко их можно было бы формулировать так: не нужно отсебятины; нужно десятки раз возвращаться к Ильичу, нужно вновь все перечитывать и вдумываться в то, что он рекомендовал делать, и в то, что он сам делал. Нужно к каждому звену нашего государственного аппарата подойти практически теми же путями, о которых говорил Ленин, теми методами, которые рекомендовал Ленин.

А. Азизян.

Некоторые итоги работы по организации бедноты.

1. Оппозиция и вопрос об организации бедноты.

На закончившемся недавно пленуме исполкома Коминтерна выступавшая с апелляцией оппозиция осмелилась в лице т. Каменева бросить партии обвинение в правом уклоне. Для доказательства правого уклона партии по крестьянскому вопросу в тысячу и первый раз вынимается из скудного идейного багажа оппозиции клевета на политику партии по отношению к бедноте.

По тов. Каменеву получается, что партия в отношении крестьянства под влиянием каких-то темных сил обезоруживается.

Но тогда спрашивается: каков смысл решения октябрьского пленума ЦК (1925 г.) о работе среди деревенской бедноты, подтвержденный XIV партс'ездом? Есть ли это обезоруживание партии или нечто другое? На этот вопрос у оппозиции ответа нет. Для большей стройности своих фракционных измышлений и обвинений она должна заявить, что организация бедноты—это фразы, что на самом деле ничего не делается и т. д. Это они сделали на июльском пленуме ЦК (конечно, закрывши глаза на первые успешные шаги по проведению бедняцких собраний при перевыборах, давших возможность в ряде мест противопоставить кулацкой активности сплоченные ряды бедняков и середняков). Этого они не посмели более сделать на XV партконференции и принуждены были в лице т. Зиновьева признать «инициативу» в деле организации бедноты, «приветствовать» проводимую партией работу в этом направлении. Если к этому прибавить то, что оппозиция на XV конференции не посмела повторить свое обвинение о правом уклоне в партии, а, наоборот, уверяла ее, что разногласия сократились, они минимальны и т. д., можно было полагать, что поражение оппозиции на «Авиоприборе» и Путиловском заводе заставило ее увидеть живую действительную работу, проводимую партией.

Но не тут-то было. Тов. Каменев, казавшийся на XV партконференции наиболее «мирно настроенным», резко меняет фронт и на пленуме исполкома Коминтерна выступает наиболее резко из числа всех оппозиционных «лидеров» и снова вытаскивает на свет божий на некоторое время законсервированное оппозицией обвинение партии в правом уклоне.

Тут лучше всего видна беспринципность оппозиции. В самом деле, что значит признать проводимую партией работу по организации бедноты, приветствовать ее?

Ведь вопрос о работе с беднотой не может быть оторван от общей политики партии по крестьянскому вопросу, а, наоборот, является ее составной частью.

Еще до XIV партс'езда тов. Сталин сказал (в июне 1925 года) по поводу классовой борьбы в деревне:

> «...Мы не можем здесь заниматься политикой смягчения, умерения борьбы. *Наша задача здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества»* [1]).

Пленум ЦК в октябре 1925 года в своем решении о работе среди деревенской бедноты сказал:

> «Проведение решений XIV партконференции, особенно развертывание массового кооперирования крестьян и оживление советов и связанные с этим организация бедноты и борьба за среднее крестьянство приобретает особо важное значение в данный момент в виду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов расслоения (дифференциации) крестьянства».

XIV партийный с'езд дал классическую формулу нашей политике в деревне:

> «Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата с беднотой и середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака».

Дальнейшие мероприятия партии о хозяйственной помощи бедноте, имевшиеся уже достижения на почве этого в деле организации бедноты, укрепления ее союза с середняком воочию доказали взятый партией, вполне правильный и классово выдержанный курс по отношению к крестьянству, доказали на реальных фактах (там, где директивы партии правильно усваивались и проводились), что иного пути для борьбы против кулачества не может быть. Путь этот—организация бедноты, укрепление ее союза с середняком. Отказ оппозиции от того, что вопрос о работе с беднотой ограничивается лишь словами (заявление ее на июльском пленуме ЦК) и признание того, что партия действительно ведет работу по организации бедноты, приветствовать эту работу (заявление Зиновьева на XV конференции) равносильно отказу от обвинения партии в правом кулацком уклоне, в замазывании кулака.

Итак, на XV конференции обвинение партии в кулацком уклоне снимается, а через месяц вновь возрождается. Чем это об'яснить, как не полной беспринципностью оппозиционного блока?

На вопросе о работе с беднотой выявляется также, что оппозиция под прикрытием левых фраз фактически представляет собою правый уклон в нашей партии. Бедноте обещали воздушные замки, а фактически на всех перекрестках кричали и требовали повышения отпускных цен на промтовары, что в первую очередь ударило бы, конечно, по карману рабочего и деревенской бедноты.

Итак, устами т. Каменева, на пленуме исполкома Коминтерна оппозиционный блок фактически взял обратно заявление Зиновьева на XV конференции (о признании проводимой партией работы по организации бедноты), зачислил его в категорию «вырвавшихся» слов, фраз и речей и снова бросил партии обвинение в правом уклоне, замазывании кулака, затушевывании классовой борьбы в деревне, снова закрыл глаза на огромнейшую работу партии по организации бедноты.

[1]) «Вопросы ленинизма», стр. 298.

Конечно, будет весьма скверно прикрашивать имеющиеся достижения в деле организации бедноты, успокаиваться на достигнутых успехах.

Задача наша—на опыте работы с беднотой за последнее время выявить наболевшие вопросы в этой области для облегчения дальнейшего движения вперед и развертывания этой важнейшей работы партии.

2. Усвоение решений партии о работе с беднотой.

Изучение 46 решений 27 парткомов по докладам волкомов и сельрайкомов за период июль—сентябрь показывает, что директивы о работе с беднотой по количеству занимают первое место по отношению к директивам, данным по всем прочим вопросам.

Но беда в том, что решения эти не популяризировались, до ячеек доводились слабо.

Напр., из просмотренных 21 партжурналов (издаваемых губкомами) лишь в пяти своевременно популяризировалось майское решение ЦК.

Главнейшей причиной слабого усвоения на местах решений партии надо считать отсутствие со стороны парткомов живого руководства в этой области, фактической проверки проведенной работы. Так, из всех парткомов лишь 6 за летний период провели специальные обследования для изучения действительного состояния дела организации бедноты. Некоторые организации (как, например, Томский окружком) приступают уже к планомерному и систематическому учету работы в этой области. Намечается еще другой хороший метод—заслушивание доклада низовой сельпарторганизации исключительно по вопросу об организации бедноты.

Прежде, чем перейти к описанию состояния работы с беднотой, выясним еще, как преломляются, как усваиваются директивы о бедноте в низовых сельпарторганизациях.

На почве непонимания политики партии наблюдаются отдельные случаи уклонов в крестьянской политике, отмеченные XIV партс'ездом. Недооценка дифференциации деревни приводит деревенских коммунистов к пассивности. Пользуясь этим, кулацкие элементы охватывают своими щупальцами деревню. Недавно в одном из районов Минусинского округа было проведено обследование с целью проверки утверждения райкома, что «кулаков у них нет». Оказалось, что в районе беднота забита, членом президиума РИК'а сидит лишенный избирательных прав, прокатный пункт обслуживает интересы кулаков и т. д. На Урале также отмечены в сельячейках тенденции, ведущие к недооценке дифференциации деревни. При летнем обследовании в Архангельской губ. был проверен состав потребительской кооперации одного села. Официальные отчеты говорили, что потребобщество состоит из 145 бедняков, 10 батраков и 2 середняков. Изучение же лишь 98 пайщиков показало, что среди них середняков—51, бедняков—14, служащих—15 и лиц, живущих на нетрудовые доходы—18 чел.

С другой стороны, наблюдающиеся случаи недооценки середняка приводили к не менее плачевным результатам. Не понимая всей важности союза бедняка с середняком, в ряде случаев сельские коммунисты проводят конспиративные собрания бедноты, не приглашают середняков, в решениях бедняцких собраний принимают предложения, не учитывающие интересов середнячества, в результате чего кулак усиливает влияние на середняков, середняк отходит к кулакам, беднота изолируется и работа по ее организации дает отрицательный эффект.

В повседневной работе эти уклоны вскрываются парткомами со всей решительностью и линия совпарторганизаций постепенно выравнивается. В целом же на местах сильно чувствуется недостаток в углубленной, раз'яснительной работе по организации бедноты и, в частности, по вопросу об улучшении ориентации деревенских коммунистов в вопросах расслоения деревни.

К чему приводит неправильное и неумелое руководство сельячейки, видно из следующего примера. Сообщают с Северного Кавказа:

> «При сельсовете аула Хакурннохабль были попытки начать работу с группой бедноты, но пока окончились неудачей, так как райком и ячейка ВКП(б) взяли неправильную линию, влив в группу бедноты чуть ли не 80% всех членов сельсовета, при наличии в составе последнего чуждого бедняцким интересам элемента. А секретарь ячейки выкинул еще лучшую штуку, пригласив на организационное собрание группы двух торговцев, которые повели тут же свою агитацию. В результате всего этого собрание группы было сорвано и большинство членов ее высказалось за нецелесообразность организации группы, мотивируя тем, что это будет только обострять взаимоотношения между членами сельсовета».

Итак, необходимо признать, что в низовых звеньях партии в деревне не все обстоит благополучно в смысле правильного усвоения проведения политики партии по отношению к бедноте.

3. Собрания бедноты.

Постараемся изобразить фактическую картину состояния работы с беднотой в настоящий момент. Прежде всего одно предварительное замечание. Изучение, суммирование опыта организации бедноты весьма затрудняется отсутствием правильного учета работы в этой области. Если и имеются материалы, то они указывают в подавляющем большинстве случаев лишь результат, лишь итог. А о том, *как* достигалось это, какими методами проводилась организация бедноты, в *какой* форме протекала вся работа в каждом конкретном случае с описанием всех ее стадий, сообщения найти трудно.

Директивы партии указывают две конкретных формы организации бедноты: собрания бедноты и группы бедноты. Наиболее легко осуществимым оказался метод собраний бедноты, метод уже получивший жизненную проверку на опыте значительного числа организаций и вполне себя оправдавший. Группы же бедноты представляют собою сложный и трудный метод организации бедноты, будучи *постоянно* действующими органами, требуют в свою очередь и постоянного руководства, с чем пока сельячейки не справляются.

Итак, в чем выражается имеющийся опыт в отношении собраний бедноты? Практика работы, а также майская директива ЦК установили двоякого типа собрания бедноты: первое — собрания бедноты при проведении общекрестьянских кампаний, второе—собрания бедноты по отдельным текущим вопросам жизни

деревни. Из этих двух типов опять-таки первый имеет гораздо более богатый опыт, чем второй. И это понятно. Если при обще-крестьянских кампаниях собрания бедноты проводятся в ударном порядке (к чему наши парторганизации весьма приспособлены) через командировки, мобилизации соответствующих товарищей, то для систематического созыва собраний бедноты по отдельным текущим вопросам жизни деревни требуется больше плановости в работе (чего в низах пока недостаточно).

Первый значительный опыт в деле созыва собраний бедноты был в начале 1926 года при проведении перевыборов сельсоветов. Созыв перед перевыборами сельсоветов собрания бедноты для предварительного обсуждения вопросов отчета сельсовета и кандидатур в новый состав, учет интересов середняков, обеспечение совместного с ними выступления при перевыборах в ряде райкомов парализовали активность кулацких элементов, стремящихся влезть в советы. При тех случаях, когда обеспечивалось правильное партруководство с должным учетом середняцких интересов, собрания бедноты вполне оправдали себя и доказали, что партия нащупала наиболее верный путь в деле изоляции кулака. Были и случаи неудач. Это проистекало из забитости бедноты, влияния на нее кулачества, а также вследствие неучета середняцких настроений и требований. Союз с середняком разрывался, и середняк голосовал за кулацкие кандидатуры.

Оживление и под'ем в деле проведения собраний бедноты перед перевыборами советов (в начале 1926 года) сменяются общим снижением темпа работы. На местах до некоторой степени прививается взгляд на работу среди бедноты, как на одну из очередных кампаний. Считают, что весьма полезно провести перед какими-либо перевыборами бедняцкие собрания для сплочения ее вокруг предложений партии. В связи с этим среди бедноты наступает реакция: «как нужно было, нас использовали, а о помощи нам так и забыли». Этот мотив в бедняцких настроениях привлек внимание парторганизаций, и в дальнейшем стала намечаться более правильная и твердая линия в деле организации бедноты. Говорю, *намечаться*, так как на местах и сейчас все еще весьма сильны тенденции к отрыву организационно-политической работы среди бедноты от дела повседневной помощи ее хозяйственному под'ему. Весьма справедливо «Советская Сибирь» указывает (9/XII—26 г.):

> «Лозунгн, вокруг которых беднота организовалась, былн недостаточно конкретны, недостаточно связаны с насущными, практическими интересами, особенно хозяйственными интересами бедноты. Под организацию бедноты и бедняцко-середняцкого блока не была подведена практическая, экономическая база, которая обеспечила бы прочность результатов проделанной работы и систематическую дальнейшую работу в этом направлении».

И совершенно правильно, исходя из этого положения, Семипалатинский губком в своем письме к сельячейкам пишет:

> «При созыве бедняцких собраний мы должны твердо придерживаться такого правила: от каждого собрания должны быть какие-либо результаты. С каждого собрания беднота должна уходить удовлетворенной и видеть, что что-то сделано, что это не повторение прежних разговоров, а практические меры
>
> После каждого собрания беднота должна чувствовать себя сплоченнее, организованнее и сильнее. Она должна чувствовать, что наметились ясные пути отпора кулачеству, пути поднятия бедняцкого хозяйства.

> Созывать беспочвенные собрания для общих разговоров, не зная, что предложить, не имеет никакого смысла».

В течение летнего периода, когда перед деревней выступает ряд хозяйственных вопросов, требующих немедленного разрешения, несмотря на общее ослабление темпа работы парторганизаций, на местах проводились собрания бедноты по этим вопросам (землеустройства, передел покосов, выявление об'ектов обложения, кооперирование бедноты, перевыборы ККОВ и кооперированных органов, организация машинных, семенных т-в, вопросы семссуды, уборки и посевов у бедноты, улучшения лугов, дорог и проч.). На почве этих вопросов при умелом партруководстве в значительном количестве случаев удавалось организовать бедноту, провести ряд мероприятий для поднятия ее хозяйства, сделать ее поборником новых культурных форм ведения хозяйства и благоустройства деревни и обеспечить совместно с середняком выступление на обще-крестьянских сходах. Организовано значительное количество простейших кооперативных об'единений с преимущественным бедняцким составом (машинные, семенные т-ва, артели по совместной обработке земли и пр.). К сожалению, учет проведенных собраний был поставлен весьма слабо, и трудно иметь полную картину проделанной работы. Имеются лишь отдельные осколки картины. Вот отдельный случай с перечислением конкретных достижений. Сообщают из Семипалатинска:

> «В Мироновке, Усть-Каменогорского уезда, населенной поморцами, кержаками и переселенцами, где еще недавно безраздельно правили зажиточные, произошла целая революция.
>
> Еще до формального начала работы среди бедноты собрания бедноты были созваны перед перевыборами сельсовета и комитета взаимопомощи. В обоих случаях зажиточные были провалены, и прошли все кандидаты, намеченные ячейкой и утвержденные собранием бедноты.
>
> В дальнейшем, мироновская беднота добилась следующих побед, несмотря на бешеное сопротивление зажиточных: 1) сенокос поделен на едоков (раньше было по скоту), 2) проведен свой кандидат в волостную налоговую комиссию и в сельскую учетную комиссию; 3) городьба паскотины ра пределена по скоту (раньше было по едокам); 4) проведен обмер посевов и столбовка; 5) предоставлена земля безземельным гражданам и казакам-батракам; 6) весь комитетский хлеб роздан на обсеменение бедноте и некоторым середнякам, раньше же получал кто попало, приезжим же совсем не давали; 7) имеющийся фонд ККОВ решено обратить на кооперирование бедноты по намеченному на бедняцком собрании списку.
>
> Подобные же достижения имеются и в ряде других мест, где волкомы и ячейки развернули работу среди бедноты».

А вот еще более яркий случай организованности бедноты. Из Новосибирского округа сообщают:

> «В течение полутора месяца было проведено девять бедняцких собраний и разрешен вопрос с землеустройством в интересах бедняка и середняка, заключен договор с окрземом и предоставлены льготы бедноте. Вместе с этим, этой же ячейкой поставлен вопрос о землеустройстве в соседней дер. Вагайцево, где после двух бедняцких собраний была организована беднота на выселок.
>
> Слухи о земельном перевороте быстро проникли во все уголки района. Победа бедноты с. Ординска дала толчек активности бедноты в других селениях. В райкоме появились ходоки от бедноты из района с просьбой проделать то же самое у них. В августе этот опыт был уже перенесен на д. Сушиху, где ячейка, проведя 3 собрания бедноты, организовала группу на выселок. Эта группа занялась, кроме землеустройства, вопросами о положении кооперации, подметила фальш весов, перебои в работе приказчика. Группа пришла на помощь ККОВ и,

под руководством ячейки, в коллективной уборке посева разрешила вопрос о приобретении ККОВ'у жатки. Ячейка по решениям групп через парт'ядро завела в кооперативе новые весы и призвала к порядку приказчика.

Теперь беднота в Ординске на свои собрания «прет, как солдат на поверку». Были случаи проведения их ночью при полном сборе группы. Беднота начинает требовать постановки отчетных докладов хозяйственников и в свободные дни, приходя в ячейку, заявляет—ставьте на собраниях хоть какие-нибудь вопросы. Сейчас ячейкой намечено разобрать в группе бедноты, в связи с кривотолками зажиточных, вопрос об июльском пленуме ЦК и ЦКК. Дальше ячейка намечает проводить территориальные бедняцкие собрания по селу с целью охватить всю бедноту села и выявить бедняцкий актив для создания ядра новых групп».

Это не единичные факты. В настоящий момент можно уже привести огромное количество сообщений, говорящих о том, что на местах работа по организации бедноты в общем идет по правильному руслу в смысле об'единения бедняков вокруг насущнейших вопросов поднятия их хозяйства. Для иллюстрации можно было бы еще привести цифровые данные о количестве проведенных собраний бедноты. Например, за три месяца проведено собраний бедноты по Саратовской губернии 320, по Курской—450. Только в кампанию выявления об'ектов обложения по 4 округам Сибири созвано 641 собрание бедноты. (Кстати сказать, опасения товарищей о возможности разрыва блока бедняка и середняка в случае вовлечения бедноты в кампанию выявления об'ектов обложения не оправдались). Все же эти цифры говорят мало о практических достижениях. Ясно, что в значительном еще числе случаев бедняцкое собрание не дает практического эффекта.

Необходимо прежде всего улучшить содержание бедняцких собраний, приблизив их вплотную к вопросам поднятия бедняцкого хозяйства и интересам бедноты вообще. Действительная организация бедноты мыслима лишь постольку, поскольку бедняк почувствует возможность поднятия своего хозяйства благодаря своей организации.

Крупное значение имеет также метод созыва собраний бедноты. Майское решение ЦК уже отмечало нецелесообразность созыва собраний бедноты через сельисполнителей, по спискам. Это решение на местах недостаточно усвоено, и созыв бедняков на собрания административным путем продолжает наблюдаться. Получается чисто формальное и казенное отношение к делу организации бедноты. Вот случай хорошей подготовки бедняцкого собрания:

«Собрания ячейка проводит таким образом: подрабатывает такой больной вопрос, как о групповой посадке бедняков на отведенной им земле, намечает четыре участка, на каждый участок выделяет из наиболее сильных партийцев руководителя и ему в помощь по 2—3 партийца и по 5—7 комсомольцев для сбора бедноты и прочих поручений. Секретарь ячейки назначает совещание этих 4 х руководов, инструктирует их, и все вместе набрасывают конспект доклада, дни созыва участковых бедняцких собраний; берут списки выделенных в помощь партийцев и комсомольцев. Руководы, оповестив выделенную им в помощь силу, подготовив к назначенному дню доклады, помещения для собраний, созывают за 2 часа до собраний бедноты свою вспомогательную силу: дают задания об обходе домов, оповещении бедноты и после этого открывают участковые собрания.

Все участковые собрания проводятся по одному и тому же вопросу и в одно время, а после их ячейка по этому же вопросу созывает общесельное бедняцкое собрание. Беднота, идя на него, имеет уже представление, как надо решать вопрос. После общесельного бедняцкого собрания беднота на сходе уже выступает веско, прямо и определенно, проводя свою линию организованно, и зажиточные сбить ее уже не могут» (Новосибирский округ).

Крайне слабо вовлекаются в бедняцкие собрания комсомол, батрачество и женщины, и, следовательно, майская директива ЦК на этот счет остается невыполненной.

Весьма плохо выполняются решения бедняцких собраний и групп. В значительном числе случаев решения бедняков не проводятся, остаются на бумаге, ячейки не заботятся об их реализации, и в результате этого среди бедноты наступает реакция и даже озлобление. Это обстоятельство побудило ряд партийных комитетов принять меры к тому, чтобы устранить этот недочет, вызвавший в ряде мест ослабление внимания бедноты к собраниям. Один из окружных комитетов Сибири даже дал директиву *об обязательном* проведении решений бедняцких собраний с возложением ответственности за их проведение на фракции соответствующих организаций. Здесь уже немного несет комбедовщиной; и ясно, что такая постановка вопроса также не может быть признана целесообразной. Весьма значительным недочетом в деле проведения бедняцких собраний надо считать все еще кампанейский их характер. Хотя уже в ряде организаций налаживается созыв собраний по текущим вопросам жизни деревни, но надо признать, что большинство организаций не поставило это дело на плановые рельсы, не превратило его в необходимейший элемент повседневной практической работы сельпарторганизаций. Принято уже думать на основе прошлого опыта, что собрания бедноты при проведении кампании уже обеспечены. Если неоднократно указывалось, что при проведении предыдущих перевыборов сельсоветов имелись достижения по проведению бедняцких собраний, то это еще не означает, что размах был достаточный. Наоборот, необходимо подчеркнуть, что размах в этой области еще весьма недостаточен. В ноябре—декабре проводились на местах перевыборы кооперативных органов. Опыт этих перевыборов показывает, что не везде перед перевыборами проводились собрания бедноты. В ряде мест собрания бедноты не охватывали и 50% всех проведенных перевыборов. Инструктор енисейского райсоюза, уполномоченный по проведению перевыборов в ряде коопорганов, недавно в своей докладной записке утверждал, что предварительный созыв собраний бедноты излишен и даже вреден. Это не единичный случай.

Необходимо решительно добиться проведения бедняцких собраний *повсеместно*. Приближаются уже очередные перевыборы сельсоветов. Все данные говорят, что активность всех слоев деревни будет при этих перевыборах высокая. Собрания бедноты должны будут сыграть крупнейшую роль. Правильная подготовка и проведение таковых должны стать основной задачей сельпарторганизаций. Должен быть обеспечен их *повсеместный* созыв и правильное *партруководство*.

4. Группы бедноты.

Перейдем теперь ко второй форме организации бедноты: группам бедноты. Как уже отмечалось выше, эта форма работы недостаточно еще прививается на местах из-за ее сложности и

трудностей. На основании изучения материалов парторганизаций о работе с беднотой было выявлено, что 17 крупных губорганизаций к сентябрю 1926 года еще не приступали совершенно к организации групп бедноты.

Есть и другое явление. К организации групп приступлено, а работы их не видно. Проверка показала, что после первого организационного собрания группы совершенно не собирались или же просто числились на бумаге. Так, в Саранском уезде (Пенз. губ.) из 22 организованных групп работает лишь 3. В Вятской губернии прибывает для обследования в село Сметанщинск инструктор укома. По письменному отчету волкома здесь числится работающая группа бедноты в 7 человек, на самом же деле секретарь ячейки заявляет, что он лишь намеревается организовать группу. Вот еще сообщение о «бумажных» группах:

«В мае, на основе данных райкомов, в Барнаульском округе насчитали 79 групп бедноты «при сельсоветах ККОВ и кооперативах». Тогда еще наш корреспондент выражал недоумение, что группы сосчитаны «скопом»—не указано, сколько групп создано при каждой из общественных организаций. Обследование 11 райкомов и 53 сельячеек показало, что подавляющее большинство этих групп—«в уме» секретарей райкомов «на бумаге» («Советская Сибирь»).

Позднейшее сообщение говорит, что из существующих в Барнаульском округе групп (уже стало 114) работает не более 20%.

Итак отсутствие достаточных данных о работе групп бедноты об'ясняется не только плохой постановкой учета работы с беднотой, но и прямым отсутствием работы организованных или предполагаемых к организации групп.

Какой размах получило дело организации групп? По 32 губерниям создано около 1.500 групп бедноты. При каких организациях они создаются? Об этом лучше всего говорит следующая таблица:

	Всего организовано групп бедноты.	Из них: При с сов.	При ККОВ.	При кооп.	Создано неправ.
1. Саратовская губ.	87	49	23	15	—
2. Курская губ.	91	79	4	8	—
3. Терский округ	54	23	15	15	1
4. Пензенская губ.	79	49	--	4	26
5. Кузнецкий округ	31	26	3	2	—
6. Рубцовский округ	39	29	7	3	—
7. Барабинский округ	54	20	16	16	2
8. Брянская губ	123	35	23	5	60
9. Новосибирск. округ	24	18	1	—	5
Итого	582	328	92	68	94
В проц.	100	56	15	11	—

Есть единичные случаи организации групп бедноты при избе-читальне, при агропункте и профсоюзе с.-х. и лесных рабочих, при женделегатском собрании и, наконец, при совете школы крестьянской молодежи. Вот, что сообщают из Сибири об этой последней группе:

«В Ординской группе при совете школы крестьянской молодежи, результатами работы которой является организация свиного товарищества из бедноты. Эта группа имеет ядро из членов школьного совета—3 человека—и 8 бедняков постоянно работают при группе. Основная задача этой группы—изучение сельскохозяйственных вопросов при помощи школьного агронома и практическое применение в жизнь».

В Пензенской губернии есть одна группа при ВИК'е.

О составе групп сведения весьма скудны. В Терском округе в среднем на группу при сельсовете приходится 36 бедняков, при ККОВ—48, при с.-х. т-вах—46 и при потреб. о-вах—60 В Котельническом уезде, Вятской губ. в среднем каждая группа об'единяет от 9 до 15 бедняков. В группы бедноты в ряде случаев включается и актив середняков. Есть единичные ошибочные случаи включения в состав групп служителей культа (Новгород) и зажиточных (Барнаул).

Достижения в работе групп бедноты, в связи с неразвернутостью работы в этой области, выявляются с большей трудностью. Все же ряд организаций приводит факты из работы групп бедноты положительного характера. Так, группам бедноты при сельсовете удавалось через сельсоветы проводить новые, улучшенные и более выгодные для бедноты условия землепользования, активно участвовать в деле выявления об'ектов обложения, распределения семссуды, леса и пр. При кооперативных органах группы бедноты добивались ревизии дел кооператива, перевыборов зажиточного правления, улучшения кредитования бедноты, кооперирования бедноты и проч. При ККОВ'ах группы бедноты рассматривали планы работ ККОВ'ов, а также вопросы усиления через них производственной помощи бедноте и т. д. Для примера приведем сообщение с Кубани о работе групп бедноты в округе:

«Не было еще ни одного случая, где бы проработанные вопросы и принятые по ним решения группами бедноты были приняты в разрезе с мнением всей бедноты, в силу чего поднимается рост активности бедноты и авторитет групп ее среди бедняцких масс станицы. На собрания групп бедноты нередко приглашаются по нескольку человек из середняцкого актива, и этот актив всегда солидаризируется с беднотой по всем вопросам, какие она выдвигает. Группы бедноты в своей деятельности имеют значительный авторитет среди крестьянства и казачьей массы и влияют отчасти на ход жизни станицы. Все решения групп бедноты за незначительным исключением, проводятся в жизнь, что нужно безусловно отнести к положительным моментам и к достижениям в работе с беднотой».

Вот, например, еще сообщение из Барабинского округа (Сибирь).

«В с. Аткуль, где группа бедноты добилась землеустройства, беднейшее население получило скидку на сумму 4.359 руб. В Меньшиковском районе. в некоторых селах, при проведении землеустройства через группы бедноты, освобождено 15% бедняцких хозяйств от платы за землеустройство и 20—30% получили скидки. В с. Сибирцевском (Спасского района) бедняки в количестве 65 чел. полностью кооперированы, благодаря активности группы бедноты. В Меньшиковском, Спасском, Убинском, Баклушевском районах благодаря собраниям бедноты организовано 12 машинных т-в В Меньшиковском районе 3 машинных т-ва обзавелись уже тракторами и переходят к коллективной обработке земли. Состав этих т-в в преобладающем большинстве—бедняки и немного середняков».

Или же вот еще сообщение о достижениях в работе групп бедноты из Сочинского района:

«В результате работы группы бедноты Хостинского ПО были произведены перевыборы правления общества, более правильно поста-

> влена техника раздачи ссуд, создан, а потом увеличен фонд кооперирования бедноты, при чем характерным моментом для организованности бедноты является тот факт, что кандидатуры в правление, намеченные на собрании группы пайщиками, были проведены за небольшим исключением. Эта же группа бедноты была инициатором землеустроительных работ в Веселовском земельном обществе, несмотря на противодействия зажиточной части села.
>
> Пиленковская группа бедноты (при т-ве табаководов) на своем августовском собрании обсуждала вопросы, связанные со старой задолженностью по табачной ссуде и с распределением новых ссуд. Собрание настолько подняло активность бедноты, что почти все середнячество идет с беднотой и в вопросах экономических (распределение ссуд), чего раньше сказать было нельзя.
>
> Собрание проходило оживленно, было много высказывающихся. Предложения, выдвинутые ячейкой, единодушно приняты. Собрание подняло активность бедноты и усилило влияние ячейки на бедноту».

Если сообщений о достижениях групп бедноты весьма мало, то недостатки в этой области выпячиваются с большой силой. Несмотря на майское решение ЦК, все же наблюдается неправильное организационное оформление групп, смешение понятий групп и собраний, организация группы вообще в деревне или при ком'ячейках, комбедовский уклон и стремление к подмене выборного органа, выборы бюро групп, уполномоченных групп, вербовка в группы при помощи добровольной записи.

Вот сообщение о том, как группы бедноты подменяют собою сельсоветы:

> «В Мамонтовском районе организована и оформлена группа бедноты. На одном из ее собраний разрабатывался план, в котором между прочим, говорится о необходимости оказания содействия органам милиции, следить группам за исправностью печей, проводить ряд работ в культурно просветительной отрасли и здравоохранении, предложить сельсовету приобрести пожарную машину и т. д. Этот план был целиком снят с плана секции сельсовета. Это есть не что иное, как подмена группой бедноты сельсоветов» (Барнаул).

Несмотря на то, что в большинстве случаев организация и работа групп бедноты на местах не дали еще должных результатов, сопровождается рядом ошибок и отклонений от партийной линии, все же надо отметить, что на местах намечается реорганизация неправильно созданных групп, налаживание работ таковых и по ряду организаций даже достижения из практики работы самих групп бедноты.

Практических же указаний о работе групп бедноты весьма мало. Большинство парткомов ограничивается пока общими указаниями о необходимости организации групп и т. п. Как исключение, можно привести директиву Терского окружкома «О технике организации групп бедноты и методах работы таковых»: ячейка прикрепляет к группе руководителя, члена партии, по возможности, из той организации, при какой организована группа; руководитель группы берет на учет всю бедноту, об'единенную в данной организации, представляет в ячейку на утверждение план работы группы, следит за проведением в жизнь постановлений группы, отчитывается перед ячейкой путем специальных докладов и систематическим представлением в ячейку подлинников протоколов группы, где они постоянно хранятся. В этой же директиве Терский окружком в основном предопределяет основные вопросы, которые должны быть в предстоящий зимний период обсуждены в группах бедноты (отдельно для каждого типа).

Менее удачной надо признать директиву Свердловского ОК и Томского ОК, которые рекомендуют, примерно, такую схему работы: вопрос, подлежащий обсуждению на сходе, обсуждается на бюро ячейки, затем на открытом собрании ячейки, затем в группе бедноты, затем на собрании бедноты, и, наконец, на общекрестьянском сходе. Вопрос об организации групп бедноты при определенных органах и, следовательно, обсуждение вопросов именно этой организации здесь затушевываются, и, наоборот, выставляется другая задача перед группой бедноты—быть подготовительной инстанцией к проведению собрания бедноты. В несколько другой форме, но все же тут имеется путаница понятий собраний и групп бедноты.

Если вопрос о группах бедноты при сельсоветах и ККОВ'ах на местах считается ясным, то организация групп бедноты в кооперации все еще встречает ряд колебаний и сомнений. Вследствие малочисленности бедноты в правлениях кооперативов, в ряде случаев на местах группы бедноты организуются из пайщиков. В некоторых организациях выявлен ряд достижений в работе групп бедноты при кооперативных организациях. Проверки показали, что они созданы не из выборных членов правлений, а из пайщиков, хотя майская директива ЦК рекомендовала организацию групп бедноты в коопорганах из числа выборных членов правления; ряд организаций (Терский округ, Армавир, Рязань, Саратов и др.) дали директивы об организации таковых и из членов-пайщиков. Для окончательного выяснения жизненности таких групп нужно тщательное изучение опыта их работы, что поставлено весьма слабо. Вот, что говорит недавнее постановление Московского К-та ВКП(б) (8/XII) об организации групп бедноты:

> «Группы организовать:
>
> а) При с.-х. кредитных и молочных т-вах из числа членов правлений, ревизионных комиссий, членов совета с привлечением активных бедняков-пайщиков данного кооператива.
>
> б) При потребительских кооперативах то же самое из числа членов правлений, ревкомиссий, с привлечением бедноты и батрачества из числа уполномоченных и лавкомов.
>
> в) При волостных и сельских ККОВ из состава комитетов, ревкомиссий и наиболее активных бедняков, членов ККОВ.
>
> г) При ВИК'ах и райсельсоветах из числа членов советов, бедняков и батраков, входящих в состав комиссий при ВИК'е и райсельсоветах.
>
> В каждом отдельном случае, при создании группы необходимо в первую очередь предусмотреть возможность партийного руководства данной группой, поэтому организация групп в первую очередь должна произойти в селениях, где имеются ячейки и волкомы, и при организациях, имеющих коммунистические фракции или отдельных коммунистов.
>
> Организованные группы в целях успешной работы должны быть по составу немногочисленны, об'единяющие активный элемент бедноты и на определенный промежуток времени с постоянным составом. Группы не должны носить замкнутого конспиративного характера, в них могут вовлекаться и наиболее активные элементы середняцкого актива».

Если в настоящий момент уже более или менее четко вырисовывается, где и из кого организуются группы бедноты, то вопрос о том, как вести работу групп, еще недостаточно разработан. В основном работа групп будет налаживаться на местах в зависимости от укрепления состояния сельпарторганизаций, повышения их качественного уровня и постольку, поскольку сельячейки правильно усвоят методы партийного руководства по отношению к крестьянству.

5. Работа с беднотой и создание беспартийного крестьянского актива.

Мы уже имеем за собой значительные достижения в области проведения бедняцких собраний, и уже кое-где налаживается работа групп бедноты. В процессе этой работы подымается активность ранее пассивной и все время молчавшей бедноты, выносятся решения о защите экономических интересов бедноты, и—что особенно важно—появляются впервые на арене деревни бедняки, которые проводят в соответствующих организациях, на общекрестьянских сходах и в жизни деревни решения бедняцких собраний и групп. Возьмем, для пример, такой случай. Сообщают из Новиковского района Бийского округа:

> «В Неинике группа бедноты проделала следующую работу: отремонтировала по собственному желанию в селе 4 небольших мостика, остановила повальную порубку леса местного значения. В последней работе беднота с хуторов и выселков свозила лес своими усилиями к помещению с/совета, последний передал в ее распоряжение из общего количества вывезенного 75%. Беднота переданный ей лес с/советом распределила так: строевой лес передала на ремонт трем беднякам, из них двум вдовам. К международному дню кооперации бедняк из группы бедноты по собственному желанию привез елок на украшение помещения кооперации».

Что показывает этот случай?

А то, что бедняк—наиболее близкая к партии часть деревни, уже начинает играть серьезную общественную роль в деревне, становится передовиком.

Это не единичный случай. Можно привести значительное количество сообщений о том, как бедняки сплоченно и энергично отстаивают решения своих бедняцких собраний на сельском сходе, собрании пайщиков. Имеющиеся достижения и успехи в области проведения решений бедняцких собраний, помимо показателя повышения бедняцкой активности и укрепления союза с середняком, говорят также о том, что у бедняков вырастают вожаки, активисты, уже умеющие выступать и активно отстаивать свои решения.

Учитывается ли все это нашими сельпарторганизациями?

Нет, к сожалению, не учитывается.

На местах наблюдается зачастую чисто формальное отношение к организации бедноты. Директивы получены, собрание бедноты провели и... точка. А о том, чтобы присмотреться к активности бедноты, выявить активистов, закрепить их активность вовлечением в ту или иную постоянную общественную работу привлечением на открытые собрания ячейки, партийцы в деревне еще не думают. В результате такого подхода сводится в значительной степени на-нет политическое значение организации бедноты в смысле усиления пролетарского влияния в деревне.

Те организации, которые не приступили еще к организации бедноты, не превратили эту работу в необходимейший элемент повседневной своей работы по руководству крестьянством, лишены богатейшего источника по расширению кадров беспартийного крестьянского актива и улучшению его состава за счет бедняков-активистов.

Разумеется, из всего сказанного еще нельзя делать вывода о том, что надо забывать середняков из состава беспартийного крестьянского актива. Сама работа по организации бедноты ве-

дется с целью укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком, на предмет изоляции кулака. В тех случаях, когда решения бедняцких собраний не обеспечиваются поддержкой середняков, они в большинстве случаев проваливаются.

Каким же образом обеспечивается поддержка середняком решений бедняцких собраний? Проводить для этого бедняцко-середняцкие собрания, где преобладают большей частью середняки, и которые мало чем отличаются от общекрестьянских сходов, нет необходимости. Нужно пригласить на бедняцкое собрание, а также на заседание группы активистов передовиков-середняков. Они—вожаки, их голос авторитетен, за ними идут крестьяне и, следовательно, достаточно заручиться их поддержкой.

Что же из этого следует?

А следует то, что вести работу с беднотой изолированно, без увязки с середняком в лице его лучшей части нельзя. Поэтому успех начатой работы по организации бедноты будет измеряться тем, в какой степени в эту работу вовлекается весь беспартийный бедняцко-середняцкий крестьянский актив деревни.

6. Борьба кулачества против союза бедняка с середняком.

Как и надо было ожидать, проводимая партией работа по организации бедноты, направленная по существу против кулачества, встретила с его стороны дружный отпор. Повсеместно, где только проводится эта работа, кулачество всеми имеющимися у него возможностями старается препятствовать ей, но в большинстве случаев терпит неудачу. Основные методы «работы» кулацких элементов следующие: активное выступление на бедняцких собраниях с целью их срыва, заигрывания с беднотой, беспроцентные ссуды, энергичное распространение слухов о возврате совласти к методу комбедов, использование случаев дачи партийцами несбыточных обещаний с целью дискредитации партии, угрозы бедноте локаутом и даже побои за участие в бедняцком собрании.

Работа кулацких элементов в большинстве случаев встречает организованный отпор со стороны бедняцко-середняцкого блока.

Все же есть ряд сообщений, когда кулакам удается привлечь на свою сторону середняков и тем изолировать бедноту. Это происходило, главным образом, в тех случаях, когда интересы середняков не учитывались на бедняцких собраниях, их отталкивали, т.-е. именно в тех случаях, когда со стороны сельпарторганизации допускалась недооценка середняка. Так, в Омском округе в одном районе беднота провела самовольный обмер земли, отобрание уже распаханных участков, чем вызвала недовольство середняков и оттолкнула их. Или же в Саратовской губ. были случаи вынесения беднотой постановлений об обязывании лошадных крестьян вспахивать землю безлошадных по твердой пониженной таксе. Это, конечно, также оттолкнуло середняков. Эти сообщения являются единичными, наоборот, преобладают, главным образом, данные о том, что необходимость всемерного укрепления союза бедноты с середняком сельпарторганизациями в основном усвоена. Более того, наблюдаемую нерешительность в деле организации бедноты об'ясняют в некоторых случаях боязнью разрыва этого блока. Сельячейки идут навстречу громаднейшему интересу середняка к проводимой ра-

боте по организации бедноты. Середняк, как правило, влице своей лучшей части приглашается на собрания бедноты. Имеется даже ряд случаев, когда на собраниях бывает середняков больше, чем бедняков. В Брянской губ., как правило, середняков на бедняцких собраниях присутствует около 50%, в Псковской г. от 33% до 75% и т. д. Весьма часто сельячейки выдают середняков за бедняков и по существу общекрестьянский сход с подавляющим участием середняков называют собранием бедноты. На эту сторону также необходимо обратить на местах внимание и следить за сохранением необходимой классовой линии в деле организации бедноты. В целом же надо признать, что на местах вопрос о взаимоотношениях бедняков и середняков изучается недостаточно, причины имевших место единичных случаев разрыва их блока выявлены слабо.

7. К вопросу об экономической помощи бедноте.

Новые условия развития советского союза, выражающиеся в некотором обострении борьбы капиталистических и социалистических элементов, диктуют партии дальнейшее укрепление союза пролетариата с крестьянством «путем материальной поддержки и организации бедноты против кулачества» (из решения апрельского пленума ЦК о хоз. строительстве).

Выше нами уже указывалось (с приведением ряда фактических иллюстраций, что на местах эта директива уже начинает осуществляться. На основе налаживания хозяйственной самодеятельности бедноты и практической помощи ей, беднота организуется, вырывается из-под влияния кулачества.

Партия для преодоления экономического неравенства в деревне строит свою политику также на «неравных» принципах. Выделяется особо беднота, предоставляются ей всяческие льготы, создаются особые фонды помощи бедноте.

Несмотря на необходимость максимального накопления для индустриализации страны, реконструкции нашей промышленности на новой технической базе, партия все же пошла на известные жертвы и дала директиву о выделении средств для помощи бедноте. На основе решений партии соответствующие наши центральные органы, соприкасающиеся с деревней, разработали ряд мероприятий по помощи бедноте. Можно привести целый перечень льгот, предоставляемых бедноте по линии земорганов, с.-х. налога, кооперации, кредитования, госстрахования и пр. На местах также, в свою очередь, созданы фонды помощи бедноте путем отчисления из местных бюджетов, прибылей кооперации и пр. Как же используются беднотой все эти преимущества? Весьма недостаточно. Парторганизации в своей практической работе уделяют очень слабо внимание продвижению вниз и проведению в жизнь мероприятий нашего государства о помощи бедноте. Прежде всего надо сказать, что беднота слабо осведомлена о предоставленных ей преимуществах. Для раз'яснения этого вопроса перед беднотой сделано весьма мало. Партийные комитеты, обсуждавшие вопрос об экономпомощи бедноте, сплошь и рядом ограничиваются общими директивами, не ведут достаточно твердой линии по созданию местных фондов помощи бедноте. Оказываемая помощь бедноте не использовывается в качестве орудия по коллективизации бедноты, а идет в порядке индивидуальном, и вообще слабо поставлено дело по кооперированию бедноты, на местах все еще встречаются случаи невыдержанной классовой линии в области кредитования, существующие фонды и льготы плохо использовываются.

С другой стороны, в ряде решений партийных комитетов недостаточно подчеркивается *производственная* сторона в деле помощи бедноте. Конечно, некоторые успехи в деле помощи бедноте на местах уже имеются. Ряд организаций (их меньшинство) добились создания фондов, и имеется кое-где оживление ККОВ на почве оказания бедноте производственной помощи, увеличилась помощь по линии земорганов (льготы по землеустройству, отпуску леса, прокату машин и пр.), развиваются простейшие кооперативные об'единения из бедняков (артели, машинные, семенные т-ва и пр.).

Вот сообщение о достижениях по помощи бедноте в Московской губернии:

> «В 1926 г. за счет бедняцкого кредита Московского Совета было распределено среди беднейших крестьянских хозяйств около 1 милн. руб. Немного больше половины этих средств было выдано деньгами, а остальное—натурой: машинами, коровами, лошадьми и прочим. Этот миллион рублей был распределен среди 6 тысяч бедняцких хозяйств и среди 400 коллективов.
>
> Благодаря этим деньгам, бедняцкие хозяйства получили около полуторы тысячи лошадей, около 1.800 коров, 39 тракторов, 242 молотилки 400 зерноочистительных машин, 2.331 простую с.-х. машину и пр.».
>
> («Московская Деревня» 19/XII).

В противовес этому можно привести постановление одного областного комитета партии о том, что не был использован даже фонд в 800 руб. по помощи бедноте.

Учет проводимой помощи бедноте поставлен весьма слабо. Нет никакой возможности выяснить, какое количество бедняцких хозяйств охвачено по всему Союзу *всеми* видами помощи, какой *реальный* производственный эффект оказанной помощи, какое количество хозяйств бедноты, как и в какой степени поднялось. Статистика во всех этих областях весьма хромает, на что, как со стороны местных парторганизаций, а также центральных органов, должно быть обращено серьезное внимание.

В целом же надо признать, что в деле помощи бедноте сделано весьма мало, места не проявляют достаточно инициативы и решительности в этой области. Эти настроения должны быть решительно преодолены, и помощь бедноте должна планомерно и систематически все более и более разворачиваться.

8. Выводы.

1. Годовая практика проведения решения октябрьского пленума ЦК (1925 г.) о работе среди деревенской бедноты, несмотря на ряд трудностей, стоявших и ныне еще стоящих на пути осуществления этого решения, с полной очевидностью показала, что партия вполне своевременно и правильно нащупала методы укрепления пролетарского влияния в деревне в период некоторого роста в ней капиталистических элементов.

2. Путь к изоляции кулака через организацию бедноты, укрепления союза ее с середняком под руководством проле-

тариата и его партии в основном усвоен местами. Вместе с тем парторганизации решительно преодоловают выявленные в отдельных случаях уклоны в крестьянской политике, отмеченные XIV партс'ездом (недооценка дифференциации деревни и недооценка середняка).

3. На вопросе об организации бедноты оппозиция вновь и вновь показала свою беспринципность, отсутствие какой-либо твердой линии. Ослепленная своей фракционностью, оппозиция не видит, что брошенное ею партии ни на чем не основанное обвинение в правом уклоне, в замазывании кулака, абсолютно не вяжется и находится в вопиющем противоречии с живой работой партии по организации деревенской бедноты.

4. Практика работы по организации бедноты показала, что союз пролетариата с крестьянством и, в частности, с центральной фигурой деревни—середняком—укрепился.

5. На ряду с имеющимися уже достижениями в деле организации бедноты (при перевыборах советов, по текущим вопросам жизни деревни) на основе постановки вопросов и проведения мероприятий по улучшению ее хозяйства, необходимо подчеркнуть со всей решительностью, что *проведенную работу достаточной считать нельзя* (имеется зачастую формальное отношение к организации бедноты, группы бедноты работают слабо, сельячейки вплотную не подошли к этой работе, недостаточно энергично проводятся мероприятия по эконом. помощи бедноте). Поэтому перед сельпарторганизациями выдвигается задача *систематически, планомерно и со всей решительностью* раздвигать в дальнейшем рамки проводимой работы.

Дж. Т. Мерфи.

Английское рабочее движение в 1926 г.

Не подлежит сомнению, что знаменательные события 1926 года представляют собой веху в английской истории текущего столетия. Эти события начались в разгар периода, известного под названием девятимесячного перемирия,—перемирия, в течение которого буржуазия Великобритании под руководством консервативного правительства спешно готовилась к сокрушению всеобщей стачки, взрыв которой она считала неизбежным. Свыше десятка вождей коммунистической партии находились в тюрьме. Сама коммунистическая партия была об'явлена нелегальной организацией. Правительство покровительствовало образованию штрейкбрехерских организаций. Полицейский и государственный аппараты впитывали в себя фашистские силы. Муссолини восхвалялся в качестве человека, умеющего заставлять рабочих выполнять их работу. Хулиганам, нападавшим на рабочих, выносились оправдательные приговоры в судах. Короче говоря, никогда еще демократия не подвергалась столь резкой критике, и никогда она так откровенно не выставлялась в столь смешном виде.

Во время процесса коммунистов судья заявил: «Правительство нашей страны не является ни консервативным, ни рабочим; когда мы говорим о правительстве нашей страны, то мы не имеем в виду ни г. Рамзея Макдональда, ни г. Болдуина. Мы говорим о короле и парламенте, об этом перманентном правительстве, существующем все время. Правительства часто падают, но когда мы говорим о свержении правительства, то мы подразумеваем под этим полное изменение конституции, уничтожение королевской власти и палаты общин и замену всех нынешних правительственных форм рабочим комитетом». После этого заявления ничего больше не остается сказать в защиту демократии.

Одновременно с идеологической и организационной подготовкой к классовым действиям правительство занялось отвлечением внимания населения в сторону угольной комиссии. Эта комиссия опубликовала доклад, и если мы можем рассматривать работу комиссии, с одной стороны, в качестве дымовой завесы, то, с другой стороны, ее решения, изложенные в докладе, дают ключ к пониманию тех затруднений, с которыми лицом к лицу стоит английский капитализм в экономической области, к пониманию методов, посредством которых он предполагает справиться с ними. Это можно резюмировать следующим образом. Англия теряет свои рынки в результате экономического развития конкурирующих с нею стран, а также роста производственной мощности в тех странах, которые раньше зависели от нее в отношении некоторых видов сырья и фабрикатов. В соперничестве с ее конкурентами Англии мешает организа-

ционная отсталость значительной части ее производственного аппарата. Поэтому предполагалось дать толчок процессу трестификации, снизить издержки производства путем рационализации труда и посредством наступления на условия жизни масс: посредством понижения заработной платы, удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Таково было положение вещей в Англии в начале 1926 г., и таковы были планы буржуазии в борьбе с ним.

* * *

Всем было ясно, как это положение вещей отражалось на настроениях рабочего класса. Выйдя из кризиса 1925 года с тем впечатлением, что Генеральный совет конгресса трэд-юнионов и все трэд-юнионистское движение обнаружили солидарность, благодаря которой была отражена атака правительства, пролетариат, естественно, находился в бодром настроении, и атмосфера трэд-юнионистского движения была в тот период пропитана духом энергичного стремления вперед. Генеральный совет снова стал пользоваться престижем, который он потерял в глазах трэд-юнионов со времени несчастья 1921 года. Левое крыло конгрессов в Гулле и Скарборо, в котором русские профсоюзы играли такую значительную роль, увеличило его престиж. Образование англо-русского комитета также в весьма значительной степени содействовало этому.

В начале 1926 года в рядах Генерального совета обнаружился страх перед наступающими событиями. Уже на конгрессе в Скарборо в 1925 году со стороны так называемых лидеров левого крыла проявился страх перед ответственностью за руководство политикой Генерального совета. Хикс отказался выставить свою кандидатуру в председатели, опасаясь, что он может быть избран. Перселъ отказывался произнести радикальную речь, пока он не получил уверенности в том, что он не будет лидером Генерального совета, а лишь его охвостьем. Тем не менее давление масс, все более совпадавшее с линией, выдвигавшейся коммунистической партией и движением меньшинства, сделало невозможным для них открытое изменение политической линии, которая нашла выражение в кризисе 1925 года и достигла высшей точки своего развития в «Красную пятницу».

Что касается Макдональда и Томаса, то они по отношению к преследованиям, начатым против коммунистов (к которым они явно подстрекали правительство на ливерпульской конференции рабочей партии), и по отношению к активной подготовке правительства к непосредственной борьбе заняли ту позицию, что-де преследования коммунистических вождей «неудобны в настоящий момент», и открыли парламентские дебаты по вопросу о свободе слова. Они заявили, что всякие разговоры в рабочих организациях о подготовке борьбы должны быть осуждены в качестве провокационных, и в видах конкуренции с правительством в области стратегических диверсий рабочая партия выработала идеалистический план реорганизации горной промышленности, который должен был показать, что предприняла бы рабочая партия, если бы она располагала согласием народа, выраженным путем парламентского большинства. Г-н Макдональд нес околесицу о «ненаучном снижении заработной платы», а г. Томас что-то также

болтал о необходимости «считаться с фактически-существующим экономическим положением».

Другие профсоюзные лидеры Генерального совета в начале 1926 года стали проявлять робость. Г-н Ситрин, генеральный секретарь конгресса трэд-юнионов, задал в январском выпуске «Labour Magazine» следующий вопрос: «Каковы перспективы для рабочего движения в течение нового периода полуреволюционных стачек, в который страна, очевидно, вступила по логическому ходу событий? Не может быть никакого сомнения в том, что мы имеем перед собой бурные перспективы в экономической области... Политика предпринимателей и все больше расширяющееся вмешательство правительства в экономические конфликты указывают, по моему мнению, на то, что страна идет к полному кризису в экономической области. Я полагаю, что следует взять более разумную и безопасную политическую линию и что профсоюзное движение может оказать содействие в выработке этой политической линии. Но, прежде всего мы должны знать, куда мы идем и какие ужасные возможности находятся на этом пути. Я могу особенно подчеркнуть, что Генеральный совет трэд-юнионов сильно встревожен этими проблемами и уделяет им очень большое внимание».

Мы знаем, куда завело их это беспокойство, но тогда массы не поняли еще выводов из этой вопрошающей заметки и в полной мере эти выводы не были сделаны даже Генеральным советом. В февральском выпуске «Labour Magazine», ежемесячного органа Генерального совета конгресса трэд-юнионов и рабочей партии, произведена беспощадная атака на Амстердамский Интернационал по поводу отказа последнего от встречи с профсоюзами СССР. Статья эта протестовала против отклонения предложений английских представителей, и в ней заявлялось, что Генеральный совет взял на себя обязательство на конгрессе в Скарборо «продолжать свою работу в направлении к осуществлению единства международного пролетарского движения. Он не действует без мандата. Он имеет ясную обязанность действовать, и его выступления носят прямой недвусмысленный характер и имеют в виду защиту важнейших интересов пролетарского движения».

Это было последнее завещание относительно международного единства, появившееся в этом журнале до всеобщей стачки. Казалось бы, что при создавшейся ситуации, которая, как было известно лидерам, должна была очень скоро обостриться еще более, англо-русский комитет должен был приобрести в их глазах большее значение, чем раньше. На самом же деле Генеральный совет начинает пятиться назад. Лидеры хотели менее всего перенесения соглашения, заключенного с русскими профсоюзами, из области дискуссии относительно будущих формальных взаимоотношений в международном профсоюзном движении — в область борьбы, происходящей в настоящее время. Однако, рабочие массы не могли брать все эти заявления и критику Амстердамского Интернационала вне связи с обязательствами по отношению к борьбе, ведущейся в настоящее время. Уже одна связь, установившаяся между английскими и русскими профсоюзами, в представлении английских рабочих влекла за собой отказ от предательских методов, к которым прибегали английские профсоюзные лидеры во время прежних конфликтов. Гулль,

Скарборо, англо-русский комитет играли огромную роль в это время в смысле развития воли масс к об'единенной борьбе и решения масс не допустить сдачи горнорабочих. Массы знали, что русские вожди—коммунисты, и этот факт играл немалую роль, облегчая развитие влияния коммунистической партии и движения меньшинства, которые шли в ногу с событиями. Вот факторы, содействовавшие больше, чем что-либо другое, идеологической подготовке масс к майскому кризису.

История всеобщей стачки и борьбы горнорабочих уже известна. Нет необходимости поэтому повторять ее здесь. Но следует отметить некоторые наиболее выдающиеся черты этих событий. Мы были свидетелями изменений, равных которым не было раньше. Нервное выжидание дальнейшего развития событий, характерное для деятельности лидеров левого крыла, отмеченное мной выше в отношении Перселя, Хикса и Ситрина, превратилось в панику, и они стали в конце концов более сильными защитниками капитуляции, чем сами лидеры «правого крыла», терпеливо выжидавшие момента для проведения своей политики. Ничто не свидетельствует об этом факте так ясно, как их деятельность в англо-русском комитете, в котором они представляли Генеральный совет английских трэд-юнионов. В месяцы борьбы горняков они совершенно перестали быть защитниками англо-русского единства и стали его ярыми противниками. Это логически вытекало из позиции, занятой ими по отношению к развивавшейся в Англии борьбе. Мы видели уже, что они стремились найти иной путь для рабочих, чем конфликт. Естественно поэтому, что они были очень недовольны, когда русская половина англо-русского комитета предложила помощь для борьбы, которой они не хотели вести. Вполне естественно было, что трусы были разозлены, когда лидеры русских профсоюзов рассказали всему миру истину об их предательстве. Вполне логично также, что раз они открыто вступили на путь предательства горняков, они отказались обсуждать вопрос о помощи горнорабочим, заявили, что они сделали все, что можно было сделать, отложили дальнейшие собрания комитета, который мог только лишний раз сообщить об их предательстве, повернули в сторону Амстердама, частным образом одобрили отказ английского правительства в выдаче виз делегатам ВЦСПС на конгресс трэд-юнионов в Борнмуте и отказались послать делегатов на с'езд ВЦСПС.

Известно, что существовало мнение, что представителям ВЦСПС нужно уйти из англо-русского комитета. Это предложение имело своей основой совершенно неверную оценку роли этого комитета. Во всех положительных выступлениях, предпринятых этим комитетом, русские профсоюзы играли руководящую роль. Все действия английских профсоюзов сводились или к согласию с предложениями русских профсоюзов или к выражению отрицательного к ним отношения. При этих обстоятельствах англо-русский комитет получил цену в глазах английских рабочих, благодаря присутствию в нем русских, а английская часть его пользовалась престижем в глазах рабочих лишь постольку, поскольку она соглашалась с политикой русских профсоюзов. Полное банкротство Генерального совета и его представителей в англо-русском комитете и саботирование деятельности комитета дискредитировали не комитет в целом, но лишь английскую

часть его. Русская часть, лойяльно придерживающаяся политики, принятой при образовании комитета, в умах английских рабочих олицетворяет собой все надежды, возникшие у них во время образования и развития англо-русского комитета. В глазах рабочих Англии комитет является наиболее конкретным выражением международной солидарности, какой они когда-либо видели. Тот факт, что Генеральный совет конгресса трэд-юнионов саботировал АРК, еще больше роняет в их глазах престиж Генерального совета, но он никоим образом не останавливает процесса революционизирования английского пролетариата. Наоборот, переход Генерального совета на сторону консервативного правительства наиболее ясным образом обнаруживает различие, существующее между коммунистическим руководством и реформистскими лидерами рабочей партии. Если бы русские профсоюзы выступили из комитета, то это сыграло бы на руку Генеральному совету. Но до тех пор, пока русские профсоюзы продолжают стоять на своей позиции и пропагандируют необходимость существования англо-русского комитета, они помогают рабочим массам Англии осознавать потребность в изменении руководящего состава их профсоюзов и, таким образом, помогают процессу революционизирования масс, всегда служившему главным оправданием существования комитета.

* * *

Сохранение этой политики в особенности необходимо в виду радикальных перемен, имевших место в течение второй половины 1926 года. Несмотря на то, что английская буржуазия вышла из всеобщей стачки свирепой и могущественной, уверенной в своей способности заставить весь рабочий класс выполнять ее волю, все же упорное сопротивление горнорабочих в течение летних и осенних месяцев, а также и ее собственная тупость, проявившаяся во взбалмошном способе, посредством которого она пыталась ввести восьмичасовой рабочий день и выступить против тех элементов, которые она призвала к себе на помощь, значительно ослабили ее позицию. Нет ни малейшего сомнения в том, что всеобщая стачка пробудила политическое сознание значительного числа рабочих, относившихся до сих пор индифферентно к судьбам рабочего движения. Результаты муниципальных выборов, давших чистый выигрыш в 200 мест, и дополнительные парламентские выборы показывают, что этот факт не подлежит оспариванию. Дополнительные выборы показывают еще более того. Они раскрывают тот факт, что всеобщая стачка усилила процесс разложения, совершающийся в рядах либеральной партии. Со времени последних общих выборов были произведены дополнительные выборы для замещения 25 мест. 22 из них означались как во время всеобщих выборов, так и на дополнительных выборах. Результаты весьма характерны, и мы приведем их здесь:

	Общие выборы.		Дополнительн. выборы.	
	Места.	Голоса.	Места.	Голоса.
Рабочая партия	5	227.062	10	243.566
Консервативная	14	280.009	11	220.102
Либеральная	3	164.153	1	51.492

Во время общих выборов либералы выставили лишь 17 кандидатов на эти 22 места. При дополнительных выборах либеральная партия выставила не менее 21 кандидата. Эти 21 кандидат собрали меньше трети голосов, собранных 13 кандидатами во время общих выборов.

Следует также отметить, что более половины из этих 22 дополнительных выборов состоялись после всеобщей стачки и показывают поворот, начавшийся среди масс избирателей от правительства в сторону рабочей партии. В течение того же периода лидеры либералов под руководством Ллойд-Джорджа, вместо политики поддержки правительства в его борьбе со всеобщей стачкой, стали в оппозицию к правительству. Тем временем федерация горнорабочих, устоявшая против капитулянтской тактики Генерального совета, быстро прошла через процесс дифференциации в ее рядах, идущий вместе с более широким процессом, совершающимся в рабочем классе, хотя и более медленным темпом. В течение нескольких месяцев большинство горняков приняло идеологическое руководство коммунистической партии и движения меньшинства, несмотря на сопротивление своих лидеров.

* * *

Торжество правительства было, таким образом, кратковременным. Действуя подобно слону в лавке китайских изделий, оно рассеяло свои силы, дало толчок не только усилению движения в сторону рабочей партии, но также и дифференциации в рядах рабочего движения. Ничто не помогло в большей степени этому процессу, чем позиция правительства в отношении русских профсоюзов и СССР. Его злобная кампания клеветы и ненависти против Советского Союза в течение того периода, когда русские профсоюзы стояли в авангарде рабочего класса всего мира в отношении помощи, оказанной английским горнякам, представляла столь поразительный контраст, что всякий, кто пытался занять среднюю позицию между консерваторами и горнорабочими, оказывался в явно абсурдном положении. Необходимо было сделать выбор: с консерваторами и против горняков, *или* с горняками и против консерваторов. Если вместе с горнорабочими, тогда значит вместе с русскими профсоюзами. Попытка со стороны многих лидеров рабочей партии и трэд-юнионов увернуться от этой дилеммы дискредитировала их в большей степени, чем все их предыдущие колебания. Возьмите, например, Роберта Смилли; его попытка в рядах его собственного союза в Ланаркшире, в котором он играл руководящую роль в течение многих лет, провести разграничительную линию между русскими профсоюзами и горнорабочими, ведшими классовую борьбу, привела его к стремлению дискредитировать коммунистических вождей, находившихся в исполкоме его профсоюза, в особенности тов. Аллана, состоящего в настоящее время членом ЦК нашей партии, и изгнать их из федерации горнорабочих. Все эти его стремления закончились полной неудачей, и они вызвали контркампанию протеста против Смилли, какой он еще не видел на своем веку. Таким образом, чем резче правительство нападало на русские профсоюзы, тем более оно толкало рабочий класс и в особенности горнорабочих в сторону русских профсоюзов и их коммунистических руководителей. Чем более выяснялось, что правительство служит интересам шахтовладельцев, тем в большей степени рядовая масса горняков подпадала под влияние коммунистической партии и движения меньшинства; и это продолжалось до тех пор, пока мы не оказались свидетелями знаменательного явления, когда местные и национальные лидеры отказывались идти дальше в борьбе, несмотря на решения большинства федерации горнорабочих о продолжении борьбы, вынесенные под влиянием коммунистической партии и движения меньшинства. Это было проявление процесса дифференциации. К концу локаута число членов коммунистической партии удвоилось, и она дальше продолжала свою вербовочную работу. Последний факт является свидетельством как духа масс, так и правильности главной линии, проводимой партией в течение конфликта.

* * *

Окончание локаута горняков послужило началом дальнейшего важного периода в процессе преобразования английской политики. Правительство и лидеры рабочей партии после окончания всеобщей стачки были разочарованы. Они думали, что окончание всеобщей стачки послужит сигналом к общему возвращению на работу и к деморализации масс. Результат был другой. 1926 год не был 1921 годом. Окончание локаута принесло, таким образом, с собой крушение иллюзий. Правительство полагало, что горнорабочие будут сломлены как в моральном, так и в организационном отношении. На самом деле имело место обратное явление. Рабочие лидеры полагали, что они возложат всю ответственность за поражение на «красных» и что им удастся использовать поражение для увеличения количества поданных за них голосов во время парламентских выборов; это казалось им наиболее «джентльменским» методом ведения споров с английскими «джентльменами». Это оказалось, однако, более трудным, чем они ожидали. Вместо приостановки роста коммунистической партии, число членов партии и ее влияние продолжали расти. Господствующим настроением массы было не разочарование и деморализация, а озлобление и все возрастающая решимость к подготовке к более решительным боям. Ничто не свидетельствует об этом факте более ярко, как неудача попыток к образованию «компанейских союзов». Наиболее важной попыткой в этом направлении была попытка Спенсера, лидера ассоциации ноттских горнорабочих, который был исключен из федерации. В его распоряжение были предоставлены тысячи фунтов стерлингов с целью создания компанейского союза. Немедленно после окончания локаута шахтовладельцы приступили в этой местности к проведению политики репрессий, но, несмотря на это, на выборах двух инспекторов шахт в Уэльбенской копи (Мансфильд), кандидат ассоциации ноттских горнорабочих получил 600 голосов в то время, как кандидат «компанейского союза» получил лишь 12. При выборах четырех должностных лиц секции ассоциация ноттских горнорабочих собрала свыше 700 голосов против 10 в среднем, поданных за сторонников Спенсера. Из 45.000 горнорабочих, работающих в Ноттских угольных копях, спенсеровский союз с помощью хозяев не был в состоянии привлечь более 250 членов. Перспективы образования компанейских союзов не весьма розовые для хозяев. Это очень ясно доказывает также

и то, что лидеры рабочей партии снова ошибаются в своем толковании значения роста голосов во время недавних дополнительных выборов. Они говорят о маятнике, качающемся «от экономического действия к политическому действию». Рост числа голосов, оказывается, является не противоположностью стачечного действия, но вытекающим из него явлением. Массы ни в коем случае не потеряли веры в массовые действия, как в 1921 году. В них, наоборот, увеличилось доверие к своим собственным силам, и они прониклись большим скептицизмом в отношении роли лидеров во время массового наступления. Насколько глубоким является этот скептицизм, это мы увидим в течение ближайших лет. Иллюзии относительно достижений через парламентские действия все еще сильны, и весьма вероятно, что великий разрыв рабочей организации с Макдональдом и Томасом не случится раньше образования рабочего правительства, располагающего большинством голосов в парламенте. Это кажется теперь настолько близким к практическому осуществлению, что мысль об этом, с одной стороны, направляет левое движение в сторону коммунистической партии, а, с другой стороны, увеличивает страх правительства, которое в разгар своей победы, одержанной им над всеобщей стачкой, начало кампанию за ограничение прав трэд-юнионов, как в отношении стачечных выступлений, так и в отношении политических взносов. Не подлежит сомнению, что правительство предпримет некоторые меры против профсоюзов, но к концу 1926 года оно уже колебалось по вопросам о рациональности выступления против политических сборов и проведения полностью своей программы лишения безработных получаемых ими пособий и т. д. Правительство не убеждено в благоприятных результатах этих мероприятий, ибо оно убедилось во все возрастающей непопулярности предпринятых им агрессивных шагов в области классовой борьбы.

Имеется ряд факторов, способствующих этой неуверенности, при чем не последнюю роль играет реагирование лидерами рабочей партии и профсоюзной бюрократии на обострение борьбы.

Последние укрепили свои ряды и предлагают взамен революционного пути—установление мира в экономической области и создание рабочего правительства, располагающего большинством в парламенте, поддерживая иллюзию, будто это создаст возможность безболезненного введения социализма. В то же время они признают обеднение профсоюзов препятствием не только для экономической борьбы, но и для сбора денег в пользу рабочей партии. Поэтому в виду тяжелых условий существования пролетариата они обратились к мелкой буржуазии, стали проповедывать идею о превращении рабочей партии в великую национальную партию, обострили свое отрицательное отношение к коммунистам и обратились к либералам с призывом оставить тонущее судно либеральной партии и найти в рабочей партии фактического хранителя принципов либерализма. В то же самое время независимая рабочая партия, которой принадлежит гегемония в рядах рабочей партии, начала кампанию за овладение кооперативным движением и за использование господствующих в нем мелкобуржуазных настроений. 75% из пяти с половиной миллионов членов кооперативов в Англии составляют женщины. Мелкобуржуазные элементы гораздо сильнее укрепились в кооперативном движении, чем в самой рабочей партии, и в их рядах находят сочувственный отклик утопические схемы и пацифизм независимой рабочей партии. Рабочая партия сопроводила эту кампанию независимой рабочей партии заключением союза с целью сотрудничества между рабочей партией и кооперативной партией, что означает усиление мелкобуржуазных элементов в местных секциях рабочей партии и что дает возможность рабочей партии получить финансовое подкрепление в виду значительного истощения профсоюзных фондов.

* * *

1927 год начался, таким образом, при существовании правительства, становящегося все более и более непопулярным и предпринимающего наступление против рабочего класса на всех фронтах. В международном масштабе правительство маневрирует, выжидая удобного случая для фронтальной атаки против Советского Союза и китайской революции; в национальном масштабе оно замышляет издать законы, которые сковали бы по рукам и ногам рабочие организации. Ответ, который дает на это рабочая партия в начале года, это не ответ классовой войны, а ответ классового сотрудничества; это—обращение к средним слоям и попытка изолировать силы, сознательно стремящиеся к классовой борьбе. Коммунистическая партия выдвигается, таким образом, на первый план в качестве единственного руководителя рабочих в классовой войне. Вокруг нее собираются во все возрастающем числе массы, утратившие иллюзии относительно руководителей рабочей партии. Успехи коммунистической партии, достигнутые ею в 1926 году в трэд-юнионах, и линия ее поведения в борьбе масс, все в большей степени признаваемая правильной, сильнейшим образом увеличили ее престиж. Теперь ей предстоит доказать свою способность к об'единению ее усилий по восстановлению сил профсоюзов для массовых стачечных выступлений с энергичным участием в парламентской борьбе с целью подготовки масс к ликвидации иллюзий, существующих относительно рабочего правительства, и прививки правильных представлений на этот предмет. Коммунистическая партия должна показать, что борьба за рабочее правительство—это борьба за завоевание почвы для углубления и расширения борьбы против буржуазии и что эту борьбу нельзя вести в гостиной, где очаровательные леди и джентльмены вводят социализм нежными руками посредством учтивых фраз. По мере того, как коммунистическая партия Великобритании будет успешнее вести эту линию, и по мере проведения ею успешной мобилизации движения меньшинства и левого крыла рабочей партии изоляционная политика бюрократов из рабочей партии и трэд-юнионов будет терпеть поражение. 1927 год должен дать в этом отношении не меньшие результаты, чем 1926 год.

П. Китайгородский.

Перегруппировка сил в западном секторе Средиземного моря.

Точно по Гегелю. Империалисты заключают меж собою союзы для подавления общего врага и тут же строят козни друг против друга. Все у них находится, так сказать, «в процессе становления». Это «друго-враги».

Взять хотя бы французов и испанцев. Всего лишь год с небольшим, как между Францией и Испанией было достигнуто общее соглашение на предмет совместного выступления против Абд-Эль-Керима. Новые «друзья» полюбовно разделили меж собою сферы влияния в Марокко. Кому достались вершки, а кому корешки. Но это не столь существенно. Важен, так сказать, общий результат такого совместного выступления. Угроза, нависшая как над французским, так и над испанским господством в Марокко благодаря революционному восстанию Риффа, в результате дружно проведенной англо-французским флотом блокады берегов Риффа и переброски 300-тысячной франко-испанской армии, почти ликвидирована. Абд-Эль-Керим, как в свое время Шамиль, боровшийся в горах Кавказа против русского царизма, вынужден был сдаться в плен на милость победителя. От грандиозного централизованного восстания Риффа остались лишь дезорганизованные партизанские выступления. Герой Риффа Абд-Эль-Керим отправлен на далекие острова Гваделупы (в центральной Америке). Племена Тазы и Риффа предоставлены самим себе. Кое-где то на одном, то на другом участке риффского фронта вспыхивают восстания почти уже, казалось, «умиротворенных племен. Эти разрозненные восстания рассеявшихся отрядов Абд-Эль-Керима приковывают к себе франко-испанские войска. Последние не могут быть эвакуированы из боязни, как бы вновь не появился из темных и глубоких ущелий высокого Атласа какой-нибудь Абд-Эль-Керим № 2 и «союзникам» не пришлось бы начать сказочку сначала...

Итак, вчерашние и сегодняшние франко-испанские союзники продолжают еще и по настоящий день «кровью и железом» умиротворять непокорный Рифф. Но тут же коварная маленькая Испания заключает союз с противником Франции правительством Муссолини и с согласия и поощрения последнего выдвигает требование о пересмотре «генерального акта» Алжесирасской конференции 1906 г. и о передаче Лигой Наций Испании мандата на г. Танжер, или о полном и безоговорочном включении без мандата всей «нейтральной» зоны Танжера в состав испанских владений в Северном Марокко.

Пересмотр Алжесирасской конференции 1906 г.! Ведь это же поход против Франции, упрочившейся в Марокко, это ведь покушение на ее привилегии в стране мавров! Пересмотр алжесирасского акта означает не более и не менее, как уступку Францией кое-каких прав другой державе—Италии: это означает, что империалистическая Франция, получившая на Алжесирасской конференции в 1906 г., благодаря поддержке Англии и России, и других держав, почти монопольное право эксплоатации Южного и Среднего Марокко, должна сейчас потесниться и дать место новому сопернику—Италии, протежируемой той же Англией.

Далее. Согласиться на требования своего «союзника»—Испании, о предоставлении ей гор. Танжера—значит лишиться возможности стать когда-нибудь твердой ногой в уязвимом для Гибралтара пункте. Ибо Испания всегда будет орудием в руках Англии против Франции, особенно в западной части Средиземного моря. Слабая Испания Великобритании не страшна. Танжер в руках Испании более опасен для Франции, нежели для англичан. Разве для этого «благородная» Франция столько жертв принесла в борьбе с Абд-Эль-Керимом, чтоб не только Рифф остался за Испанией, но чтоб и Танжер, этот центр французских интриг, окончательно уплыл из ее рук? Зачем же было огород городить, для чего нужна была Франции столь дорого обошедшаяся ей война с Абд-Эль-Керимом, раз в результате победы Франция лишается возможности пробиться к Гибралтару и вдобавок еще должна пойти на кое-какие уступки Италии в западной части Средиземного моря?

Неудивительно, что Франция резко выступила против домогательств Испании на Танжер, решительно воспротивилась пересмотру алжесирасского договора и категорически высказалась против созыва новой международной конференции по марокканскому вопросу.

Злая ирония состоит в том, что в то самое время, как Франция резко выступает против требований Испании, интригует против последней на заседаниях и за кулисами Лиги Наций, возражает против предоставления своему «союзнику» места в Совете Лиги,—в это самое время франко-испанские войска продолжают совместно кровавую и «священную» борьбу «умиротворения» Риффа!

Чем не «друго-враги»? Такова диалектика империализма. Но мы должны подробнее рассказать читателю, что это за Алжесирасская конференция, в чем смысл борьбы из-за Танжера и какова роль Италии в этой борьбе.

Еще в 1902 г. знаменитый «Парижско-Голландский Банк», при поддержке тогдашнего французского мининдела Делькассе, становится во главе консорциума французских банков, который предоставляет марокканскому султану заем в 7.500.000 золотых франков[1]). Это был первый заем, первый «золотой шнурок», которым, по выражению К. Маркса, капитал душит правительства колониальных и не только колониальных стран. Экспансия Франции в сторону Марокко началась, пожалуй, с этого займа. Железные, цинковые и медные рудники и фосфаты, которыми столь изобилует Марокко, стремление к территориальному захвату Марокко, тогда еще почти «независимой» страны,—вот что при-

[1]) См. журнал «Cahier du bolchevisme» за апрель 1925 г., ст. т. Дуплекса.

влекло, как магнит, французский империализм. Последний буквально связывает по ногам и рукам феодальную аристократию Марокко с султаном во главе.

Но на пути французского проникновения в Марокко стояла во-первых, Англия, затем Германия, Испания и др. Тогда в 1904 г. «Парижско-Голландский» консорциум вступает в соглашение с английскими и испанскими банками, которые ссужают марокканскому султану: «Парижско-Голандский Банк»—62.500.000 франков (из этой суммы тут же вычитаются проценты и погашение первого займа 1902 г.); 7.500.000 франков предоставляют английские банки и 10 миллионов пезетов—испанские банки. Гарантией этих займов служат доходы с восьми марокканских таможен, перешедших в ведение иностранных кредиторов.

Кабальные сделки совершились. Марокко—об'ект эксплоатации финансового капитала. Политически это означало: Англия и Франция сближаются меж собою, они на пути общего соглашения против грозного врага—Германии. Совместные финансовые операции в Марокко являются мостом к заключению соответствующего политического соглашения.

Оно не замедлило явиться. Англия всецело поддерживает Францию на Алжесирасской конференции в 1906 г. На этой конференции присутствовали представители Англии, Франции, Испании, Германии, Италии, Соед. Штатов Сев. Америки, Австрии, России, Швеции, Голландии, Бельгии, Португалии и Марокко. В итоге 4-месячных заседаний конференция приняла так называемый «генеральный акт», которым формально признавался суверенитет марокканского султана, но одновременно приняты меры к созданию целого ряда «интернациональных институтов» в роде «государственного банка», таможен, полиции и т. д.

Государственный банк был создан с капиталом в 15.400.000 франков с 14 администраторами, из которых два француза и по одному от каждых представленных 12 остальных государств. Франции было предоставлено преимущественное преобладание в финансовых учреждениях согласно следующей формуле:

Франция	33% [1]
Англия	17%
Германия	17%
Испания	17%

Остальным государствам, в том числе и России, по 2%.

Впоследствии Франция еще более усилила свое влияние в государственном банке, учрежденном в Танжере. А после войны 1914—1918 гг. паи Австрии, Германии и России были, согласно версальскому договору, переданы французам, что ещё более усугубило преобладающее влияние Франции в государственном банке.

Мы здесь не будем останавливаться на дальнейших этапах проникновения французского капитала в Марокко. Об этой имеется громадная литература и на русском языке. Нам важно здесь отметить только, что в результате «алжесирасского акта» французский империализм при поддержке Англии все более укреплял свое влияние в Марокко. Англия была тогда чрезвычайно заинтересована в окружении Германии и противопоставлении ей на континенте Европы своего мощного союзника в лице Франции. Отсюда—и поддержка Франции Англией на Алжесирасской конференции.

[1] См. Martin, «Précis de sociologie Nord-africaine», 185 стр.

Но вопрос о г. Танжере не был окончательно вырешен ни на Алжесирасской конференции, ни на последующих конференциях, последовавших за ней, вплоть до 1923 г. Версальский договор, как известно, заставил Германию отказаться от всех своих прав на свои колонии в Африке и других частях света. Это еще более укрепило положение Франции в Марокко. Однако, теперь положение резко изменилось. Вместо Германии, выбывшей из строя первоклассных империалистических держав, на горизонте Средиземного моря показалась Италия. Нужно было спешить покончить с оставшимся открытым вопросом о Танжере. Англия, Франция и Испания в течение 1921—1923 гг. то сговаривались, то расходились по поводу Танжера и, наконец, 17 декабря 1923 г. пришли к общему соглашению, зафиксированному в так называемом «танжерском статуте».

Италия требовала участия на лондонской конференции по танжерскому вопросу, но Англия, Франция и Испания категорически воспротивились и не допустили ее к участию в работах конференции. Лишь после того, как был выработан «танжерский статут», Италии, равно как и всем остальным державам, подписавшим «алжесирасский акт» 1906 г., было послано приглашение присоединиться к этому соглашению. Впрочем, было сделано одно исключение: СССР приглашение не было послано.

В чем заключается «танжерский статут»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, придется сделать маленькое отступление. Танжер является небольшим городом, насчитывающим 50 тысяч жителей, преимущественно арабов. Этот город является транзитным и складочным пунктом для товаров, отправляемых по железной дороге Танжер—Фец в глубь Марокко, и по караванным путям—в Рифф и другие области Северного Марокко.

Но не это обстоятельство делает Танжер об'ектом империалистического раздора. Экономическое положение Танжерского порта невелико. Сотни и тысячи коммерческих судов проплывают ежедневно мимо, не причаливая к танжерской гавани. *Танжер важен, как стратегический пункт, находящийся в недалеком расстоянии от Гибралтара.* Англия как до войны, так и в настоящее время крайне заинтересована в недопущении какой-либо сильной державы к овладению Танжером.

Особенно в настоящее время, когда подводные лодки стали таким мощным вспомогательным орудием надводного флота, англичане сугубо заинтересованы в том, чтоб Танжер не превратился в морскую базу. Это могло бы свести на-нет все стратегическое значение Гибралтара, запирающего ворота из Атлантического океана в Средиземное море.

В связи с развитием военной техники, мощность береговой артиллерии чрезвычайно возросла. Достаточно сделать в Танжере, на возвышенности, установку для артиллерийских орудий, как гибралтарская крепость окажется под угрозой обстрела с противоположной стороны Средиземного моря. Уже в 1924 г. английская печать отмечала, что усовершенствование военной техники сводит на-нет роль Гибралтара, и любая держава, овладев

противоположным берегом Средиземного моря в Северо-западной оконечности Африки, может превратить Танжер в опорную базу и запереть английским судам путь из Атлантики в Средиземное море и обратно.

Вот почему Англия сугубо противится тому, чтоб гор. Танжер перешел в руки Франции и до сих пор предпочитает «нейтрализацию» Танжера. *В крайнем случае*, англичане согласились бы на передачу Танжера Испании при условии получения гарантии, что в этом порту не будут возведены никакие вооружения. Слабая Испания для Англии не опасна; за спиною Испании Англия может свободно орудовать [1]). Францию же опасно допустить к Танжеру, ибо она может в случае войны легко отрезать путь английским судам. Этими соображениями продиктована политика Англии в Танжерском вопросе.

На упомянутой выше Лондонской конференции 1923 г. был выработан «статут по управлению Танжером». Согласно этому «статуту», танжерская зона (город Танжер и его окрестности с населением в 70 тысяч жителей) подчинена формально власти султана, представитель которого—«мендуб»—уполномочен возглавлять туземное население. Европейцы же имеют своего особого правителя, утверждаемого на 10 лет. В специально созданном «законодательном органе» танжерской зоны обеспечено большинство за европейцами. Это «Представительное Собрание» состоит из 4 французов, 4 испанцев, 3 англичан, 2 итальянцев, 1 бельгийца, 1 португальца, 1 голландца, 1 американца, 6 мусульман и 3 туземных евреев. Таким образом, мусульманские представители тонут в общей массе европейцев. (Между прочим, ни Соед. Шт. Америки, ни Италия до сих пор не признали «танжерского статута»).

Таможни находятся в руках европейцев, среди которых французы составляют большинство. В государственном банке, как мы уже выше указали, тон задают французы. Этот банк совершенно самостоятельно, вне правительственного контроля, совершает свои грязные делишки.

Как эмиссионный банк «Государственный банк Марокко» открывает кредиты на общественные работы, проведение желездороги, разработки рудников и т. д., выдает ссуды торговцам и широко субсидирует разные промышленные предприятия. Всюду чувствуется французская рука.

Французы все время стремились обосноваться здесь и упрочить свое экономическое влияние в Танжере, дабы впоследствии окончательно им овладеть для целей политических и военно-стратегических. Рестораны, отели, кафе, театры, лавки, мануфактурные товары, ходячая монета,—все французского происхождения.

До войны Франция занимала первое место среди импортеров. В 1913 г. французский импорт в Танжер составлял 47% общего ввоза в этот порт. Во время войны французских торговцев вытеснили испанские коммерсанты. Но после войны Франция опять стала занимать первенствующее место в импорте в Танжер.

Франция стремится подвести солидную экономическую базу под свою политико-стратегическую программу, которую она раз-

[1]) В меморандуме, поданном английским адмиралтейством Чемберлену, морские специалисты категорически высказываются против предоставления кому бы то ни было мандата на Танжер.

вивает в Танжере. Борьба за Танжер есть борьба за гегемонию в западной части Средиземного моря, это есть борьба за овладение позицией, которая должна дать французскому империализму возможность подорвать морское могущество Англии. В этом важнейшем узле, где пересекаются великие торговые и военные дороги, Франция еще с 1902 г. стремится упрочиться, но она неизменно наталкивается на противодействие Англии.

После войны на горизонте Средиземного моря появилась Италия, требующая тоже себе солидной доли в северной Африке. Если в 1923 г. с Италией не считались, не допускали ее на пушечный выстрел к управлению Танжером, то сейчас мы видим совершенное иное отношение к ней, главным образом, со стороны Англии. Последняя все более заигрывает с итальянским империализмом, стараясь вовлечь его в свою орбиту и использовать его против Франции. Окончательно Англия обернулась лицом к Италии в Рапалло (в декабре 1925 г.), где на свидании между Чемберленом и Муссолини состоялось полное соглашение по разным колониальным вопросам на Ближнем Востоке. Этим фактически обозначалась новая перегруппировка сил на Средиземном море. Чемберлен дал много авансов Муссолини и насчет Абиссинии, и Египта (уступка части египетской территории—оазиса Джерабуба—в пользу Италии), и Танжера. Вот что мы читаем в «Таймсе» от 10 июля: «Между правительством Италии и великобританским правительством произошел обмен мнений по вопросу о Танжере. Итальянское правительство согласно присоединиться к «танжерскому статуту» при условии предоставления Италии такой же доли участия в управлении Танжером, каковая предоставлена Франции, Англии и Испании. Форейн Оффис целиком будет поддерживать это требование итальянского правительства». Англия гарантирует свою поддержку Италии, ровно как в 1906 г. она гарантировала на алжесирасской конференции свою поддержку Франции. Англия заинтересована в ослаблении роли Франции в западной части Средиземного моря и пользуется Италией в качестве противовеса Франции.

Италия не без ведома Англии заключила союз с Испанией несколько месяцев спустя после свидания в Рапалло. Этот итало-испанский союз направлен непосредственно против Франции. Еще в 1923 г. между Италией и Испанией установилась дружественная связь, был заключен торговый договор, давший определенные выгоды Италии. Теперь этот экономический договор получил политическое выражение. 13-й пункт этого союзного договора гласит: «Если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьей державы, то другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать во все время войны дружественный нейтралитет». Этим Италия выговорила себе свободу действий в Средиземном море на случай столкновений с Францией.

Будучи чрезвычайно заинтересована в ревизии «генерального акта», выработанного на алжесирасской конференции в 1906 г., Италия толкнула Испанию на возбуждение танжерского вопроса. Испания ухватилась обеими руками. Выступая с требованием предоставления ей мандата на Танжер, она угрожала, что в противном случае ей придется уйти из Марокко. Читай: пусть попробует Франция сама «умиротворить» Рифф. «Испания,—сказал Примо-де-Ривера,—принесла в жертву 40,000 человек и

500 миллионов пезетов. Если Танжер не будет включен в испанскую зону северного Марокко, то все эти жертвы окажутся напрасными, ибо Танжер всегда останется очагом интриг и повстанческие племена сумеют отсюда получать оружие. Рифф окончательно не будет замирен, если Танжер не будет передан в руки Испании».

Пред'являя Лиге Наций требование о передаче Испании мандата на Танжер, испанское правительство надеялось, что этим маневром ему удастся заполучить постоянное место в Совете Лиги. Маневр не удался. Получив отказ в постоянном месте, Испания официально заявила о своем уходе из Лиги Наций. Но Испания не отказалась от своего требования заполучить Танжер в свои руки. Опираясь на союз с Италией, она твердо решила добиться пересмотра алжесирасского «генерального акта» и всех связанных с ним конвенций. Она надеется, если не на полное удовлетворение своих требований, то хотя бы на частичное. Однако, великие державы—Франция и Англия — умерили порыв Испании. Созыв новой международной конференции для пересмотра «алжесирасского договора» (газеты сообщали, что рассылаются приглашения всем державам, представители которых присутствовали в Алжесирассе) не состоялся. Такая конференция была не по душе, во-первых, Франции, во-вторых, Англии. Правительство СССР 10 августа сего года в связи с предполагавшейся международной конференцией обратилось с нотой к правительствам Англии, Франций, Италии и Швеции с протестом против игнорирования прав советского правительства, которому не было послано приглашение на эту конференцию. СССР требовал себе права присутствия на конференции, которую подготовляет Испания. Не для захвата территории марокканских племен явились бы представители Советского Союза на конференцию, не для участия в грабеже этой несчастной колонии, а для вящшей защиты этих племен от хищных аппетитов империализма—вот с какой целью отправлена нота правительства СССР.

Царское правительство выговорило себе долю в размере 2% общей суммы вкладов в «Государственном Банке Марокко». Советские представители не для торга и переторжек прибыли бы на конференцию, а как защитники угнетенного Марокко против стаи империалистических шакалов. Но СССР было отказано в его требовании быть представленным на конференции. Да и сама конференция не состоялась, так как Англия и Франция предпочли вести переговоры только с Испанией и Италией без участия других держав.

Итак, на сей раз к переговорам о Танжере привлечена и Италия. Однако, вряд ли им удастся окончательно договориться. Франция ни за что не откажется от своих прав на Танжер, где она экономически столь прочно окопалась. Англия никоим образом не примирится с господством Франции в Танжере. Испания постоянно будет стремиться к округлению своих владений за счет Танжера, этого центра международных интриг. Италия же все более и более будет добиваться расширения своей доли в общем грабеже туземного арабского населения, пробираясь к железу и другим горным металлам, коими столь богат Рифф. Танжер был, есть и останется очагом военных конфликтов между империалистическими державами.

Н. Ангарский.

О влиянии немецкой аграрной дискуссии (1895 г.) на выработку взглядов Ленина по аграрному вопросу.

В № 1 «Летописи Марксизма» за 1926 г. напечатана статья Б. Николаевского «В. И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 г.». Статья представляет несомненный интерес, поскольку в ней впервые освещается почти совершенно неизвестный период в жизни Ленина. Однако, в статье этой имеется ряд положений, которые не могут быть оставлены без возражений. Б. Николаевский пытается установить характер и степень влияния немецкой «аграрной» дискуссии 1895 г. на выработку взглядов Ленина по аграрному вопросу. Со слов В. А. Бухгольца [1]), Николаевский сообщает, что в 1895 г. в Берлине Ленин вместе с В. А. Бухгольцем присутствовал на докладе с.-д. Штадтгагена по вопросу об аграрной программе с.-д. Вопрос этот в то время особенно волновал германскую с.-д. Наметилось три течения: 1) пра-

---

[1]) В. А. Бухгольц предполагает в ближайшем будущем опубликовать свои воспоминания. Пользуюсь случаем, по его просьбе, исправить некоторые неточности, вкравшиеся в статью Б. Николаевского.

В. Бухгольц не говорил Б. Николаевскому, что в 1889—90 гг. его (Бухгольца) родные были знакомы с семьей Ульянова домами. На самом деле с семьей Ульянова был знаком только В. Бухгольц; знакомство это произошло потому, что В. Бухгольц в одно время с М. Т. Елизаровым был учеником самарской гимназии, а также студентом Петербургского Университета. Отец В. А. Бухгольца, служивший в то время в Самаре на железной дороге, независимо от В. А. Бухгольца, познакомился с В. И. Ульяновым (но не с его семьей). Встречался он с ним на квартире самарского адвоката Андрея Николаевича Хардина, известного в то время во всей России превосходного шахматиста, куда в течение некоторого времени раз в неделю приходил для шахматной игры В. И. Ульянов, начальник телеграфа ж. д. Лейтиекер и отец В. А. Бухгольца.

Что касается встреч с В. И. Ульяновым в кружках «радикальной» молодежи, то по этому поводу В. А. Бухгольц сообщает, что ему пришлось несколько раз участвовать в Самаре вместе с В. Ульяновым на собраниях тамошней «радикально» настроенной молодежи — вероятно, таких собраний с его участием было не более трех. «Насколько я могу припомнить,— пишет В. А. Бухгольц,— участники их были все, или почти все, бывшие студенты, исключенные из университета за участие в последних студенческих беспорядках. Так как эти собрания не созывались для какой-либо определенной революционной цели, то их, собственно, нельзя назвать собраниями «революционного кружка». Об участии же В. И. Ульянова в самарских революционных кружках до или после моего от'езда из Самары я не имел случая ничего узнать, потому я и не мог, расходясь «с рядом других свидетелей», сказать, что в этих кружках В. И. Ульянов ничем особенным не выделился. Я только сказал, что на тех собраниях, на которых мы вместе были, В. И. Ульянов, насколько я могу вспомнить, не проявил чем-либо выделяющейся активности, и во всяком случае не развивал «марксистских» взглядов.

вое—с Давидом и Фольмаром во главе, 2) левое, отрицавшее необходимость для с.-д. иметь какую-либо особую аграрную программу, исходя из невозможности улучшить положение крестьян в буржуазном обществе, и 3) партийный центр с Бебелем во главе, хотя и разделявший основные взгляды «левых», но считавший необходимым выставление особой аграрной программы.

Штадтгаген, как это видно из отчета об его докладе, напечатанном в «Форвертсе», примыкал к «левому» течению, к так называемому «аграрному нигилизму».

Возвращаясь с собрания, В. Бухгольц разговорился с Лениным по поводу доклада. Аргументы докладчика казались Бухгольцу убедительными, и он высказался в этом духе. Тем более поразило его ответное замечание Ленина, из которого следовало, что он (Ленин) отнюдь не критически настроен по отношению к аграрной программе. Бухгольцу вспоминаются слова Ленина, который высказывал уверенность, что Бухгольц, если он вдумается в постановку вопроса,—не долго остается на позиции Штадтгагена.

«Смысл этих замечаний,—говорит Николаевский,—особенно четко запомнился Бухгольцу потому, что они шли вразрез с обычными в то время в среде русской с.-д. молодежи взглядами,—это обстоятельство позволяет отнестись с полным доверием к данному показанию Бухгольца, а оно очень ценно, так как свидетельствует, что Ленин в то время,—*несомненно, не без влияния немецкой дискуссии,—уже не стоял на позиции «аграрного нигилизма»* (курсив наш.).

Итак, Б. Николаевский думает, что Ленин придерживался, как и большинство русской с.-д. молодежи, теории «аграрного нигилизма», и только под влиянием немецкой дискуссии он изменил свои взгляды.

Это совершенно не соответствует действительности. *Никогда* Ленин, как и его ближайшие друзья, на точке зрения «аграрного нигилизма» не стояли. Это Михайловский в своей полемике с марксистами навязал им вздорную теорию «пассивного» отношения к «страдальцу-народу». Это он писал в «Русс. Бог.», что «пассивные» марксисты «не интересуются народом, на земле сидящим, и обращают свое внимание и надежды на тех, которые уже отлучены от средств производства». И никто, как Ленин, еще в 1894 г. дал уничтожающую отповедь бесцеремонному критику, позволившему себе приписать марксистам бессмысленную пошлость да еще в легальной прессе, зная, что отвечать им по цензурным условиям и негде и нельзя.

Нет ничего «левого» в признании той общественной марксистской истины, что при выработке аграрной программы, с.-д. прежде всего должна не забывать интересов классовой борьбы в деревне. *В этом отношении* «левые», Парвус и Каутский, вполне сходились с партийным центром (Бебель). Никто из них не задавался целью «уверить» крестьян, что они могут отдельными мероприятиями изменить свое положение в буржуазном обществе, но все они все же считали необходимым выставлять целый ряд практических требований как в агитационных целях, так и в интересах организационной связи с народом.

На этой же точке зрения стоял и Ленин, но пришел он к этим выводам *не в результате немецкой дискуссии, а в результате серьезного изучения Маркса и литературы «Группы Освобождения Труда»* (точнее: работ Плеханова), в результате вдумчивого изучения работ земской статистики по крестьянскому вопросу.

И если в немецких условиях отдельные требования аграрной программы имели более агитационное значение, то в русских условиях они могли иметь и практическое значение, ибо в России остатки и пережитки средневековья и крепостничества лежали более тяжким бременем на крестьянстве, чем в условиях прусского государства. Это прекрасно понимал Ленин и потому уже в самых ранних своих работах уделял так много места крестьянству. Однако, как бы ни были важны и существенны защищаемые Лениным «крестьянские требования», он никогда не придавал им самодовлеющего значения, а, наоборот, всегда подчинял их интересам классовой борьбы пролетариата.

Неверно поэтому утверждение Б. Николаевского, что принадлежащая Ленину фраза: «...в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне», включенная в мотивировочную часть аграрной программы 1903 г., навеяна немецкой аграрной дискуссией.

Неверно точно так же и другое утверждение, что мысль эта встречается у Ленина только в 1899—1901 гг. и что «более ранних прямых заявлений Ленина в этом смысле не имеется».

Еще в «Друзьях народа», т.-е. летом 1894 г., Ленин, говоря о необходимости разрыва с мещанскими идеями социализма, в коих нет ровно ничего социалистического, высказывался за необходимость поддержки с.-д. общедемократических требований народничества, за необходимость даже еще большего развития и усиления этих требований, т.-е. таких требований, которые, будучи осуществлены, не только не задержали бы развития классовой борьбы в деревне, а, наоборот, расчистили бы поле борьбы от всяких остатков средневековья и крепостничества. Ленин, с одной стороны, резко критиковал такие реакционные требования народничества, как неотчуждаемость крестьянских наделов, воспрещение выхода из общины, круговую поруку и т. д., с другой—горячо защищал все то, что способствует развитию классовой борьбы в деревне, независимо от того, что целый ряд мер (отмена выкупных платежей, возвращение отрезанных у крестьян при «освобождении» земель и даже полная конфискация всех помещичьих земель) мог бы несколько улучшить положение крестьянства. Ленин прекрасно учитывал, какое громадное значение для грядущей революции могли бы иметь все эти «крестьянские» требования.

«Социалистического ровно ничего нет,—писал Ленин в «Друзьях народа»,—в требовании устранения этих зол, (малоземелья, высоких платежей, гнета администрации. *Н. А.*), ибо они нимало не об'ясняют экспроприации и эксплоатации, и устранение их нимало не затронет гнета капитала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала, и потому в качестве демократического требования встретит самую энергичную поддержку рабочих (соч. т. I, стр. 190).

О чем говорит мотивировочная часть «аграрной программы» 1903 г.?—Об интересах свободного развития классовой борьбы в деревне.

Что предлагает *в этих интересах* программа?—Целый ряд требований, которые должны облегчить крестьянам классовую борьбу с помещиками.

Какие это требования?—Отмена выкупных платежей, возвращение крестьянам отрезанных у них в 1861 г. земель, равенство в уплате податей, отмена круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении землей, и, вообще говоря, предоставление крестьянам всех прав гражданства.

А разве не то же самое защищал Ленин в 1894 г. в «Друзьях народа»? Почему он считал необходимым поддержать народнические требования: уничтожение малоземелья, уменьшение платежей, прекращение гнета администрации и т. д.? Почему он шел *значительно дальше* этих требований? Да потому, что осуществление этих требований очистило бы гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчило бы рабочему прямую борьбу против капитала.

Для всякого ясно, что эта аргументация 1894 г. и по форме и по существу вполне совпадает с мотивировочной частью «аграрной программы» 1903 г.

Что касается падающих на крестьян платежей и налогов, то Ленин не придавал им особого принципиального значения, но политическое значение все эти требования имели огромное. В этом отношении взгляды Ленина вполне совпадали со взглядами партийного центра германской с.-д.

«Платежи и налоги—это, говоря вообще,—писал Ленин,—такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, например, выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только па крестьян и мещан, и от которых свободны «благородные». Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой» (Ленин. Соч., т. I, стр. 190).

Столь же определенно говорит Ленин и о малоземелье, этом основном «ките» народничества, указывая, что вопли об этом малоземелье носят чисто буржуазный характер и что некоторое увеличение площади крестьянского землевладения не устранит гнета и эксплоатации. И в то же время Ленин считал совершенно необходимым не только поддержать это «основное» требование народничества, но и значительно его продолжить. «Несомненно, однако,—писал Ленин,—крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения—этого оплота крепостнических учреждений и традиций» (там же, стр. 190).

Почему Ленин, с одной стороны, третирует все эти вопли о крестьянском малоземелье, а с другой—высказывается за возвращение крестьянам «отрезков»? Да потому, что сами по себе «отрезки» ни в какой мере не разрешают вопроса о малоземелье, но, с другой—возвращение искусно отхваченных и отмежеванных земель уничтожает кабальные отношения в деревне, «разгораживает» землю, расчищает почву «в интересах свободного развития классовой борьбы».

Ленин идет значительно дальше; он говорит не только о возвращении «отрезков», но даже об экспроприации всех помещичьих земель, как бы предрешая вопрос о «национализации». Однако, ни на одну минуту он не забывает об основном положении марксизма—классовой борьбе. Выдвигая требование экспроприации помещичьей земли (совпадающее с национализацией), Ленин сейчас же оговаривается, что такая экспроприация лишь усилит складывающиеся в деревне фермерские отношения, т.-е. в конечном счете борьбу наемных с.-хоз. рабочих с эксплоататорами, не говоря уже о том, что это требование весьма важно в демократическом отношении, «как единовременная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков».

Таким образом, можно считать совершенно бесспорным, что Ленин еще за $1^1/_2$ года до возникновения немецкой аграрной дискуссии высказывал взгляды, сходящиеся со взглядами центра германской с.-д. и тех «левых», которые, не отрицая необходимости выработки аграрной программы, считали необходимым, при выставлении тех или иных требований, исходить прежде всего из интересов классовой борьбы.

К вопросу о капитализме в земледелии возвращается Ленин и в статье против Струве («Экономическое содержание народничества»), написанной осенью 1894 г., т.-е. значительно ранее его поездки за границу. В этой статье он опять-таки указывает, что на ряду с быстро развивающимся в деревне капитализмом, существует еще много остатков крепостнических отношений, и что земледельческий капитализм «не покрывает собой *всех* общественно-экономических отношений в деревне». «Рядом с ним,—говорит Ленин,—мы видим все еще и крепостнические отношения—и в хозяйственной области (например, сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой—тут налицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный «обмен услуг» между производителями и владельцем средств производства, и эксплоатация производителя посредством *прикрепления* его к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической (обязательное «обеспечение наделами», прикрепление к земле, т.-е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т.-е. того же оброка помещику...); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, «перенаселению прикрепленных к земле батраков» (Ленин, соч. т. I, стр. 347).

Капиталистическая основа современных отношений в деревне не должна,—говорит далее Ленин,—скрывать все эти могущественные остатки «старо-дворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом. Вот почему Ленин и в статье против Струве указывает на ошибочность огульного отрицания всей народнической программы в целом. «Марксисты,—говорит он,—должны отвергнуть все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный уровень трудящихся масс,—тем резче и чище выступит важнейшая и

основная социальная противоположность русской жизни» (там же, стр. 380).

Если в 1894 г. Ленин уже формулировал основную предпосылку к тем требованиям, которые русская с.-д. должна выставить в деревне, если в 1895 г. (в статье против Струве) он повторяет эти конкретные требования, то само собой разумеется, включая в проект программы русской с.-д. в 1896 г. ряд требований для крестьян (отмена выкупных платежей, возвращение крестьянам отрезанных у них в 1861 г. земель, равенства в податях и налогах, отмена круговой поруки и т. д.)—Ленин лишь уточняет свои предыдущие формулировки безотносительно к немецкой дискуссии.

Хотя полный текст гектографированной записки Ленина к проекту аграрной программы до нас и не дошел, но совершенно несомненно, что основная предпосылка к включенным в этот проект требованиям для крестьян была та же, что и в 1894 и 1895 гг., и иной быть не могла. Наконец, и в самом проекте программы с.-д. партии 1896 г. имеется *прямое* указание на то, чем руководствовался его автор, выставляя ряд требований для крестьян. В пункте «Б» в §§ 3 и 4 определенно говорится о том, что с.-д. партия будет поддерживать всякое общественное движение... против класса привилегированных дворян-землевладельцев и против всех остатков крепостничества и против всяких попыток правительства и его чиновников задержать развитие капитализма. В письме 1896 г. из тюрьмы к т. Кржижановскому Ленин, сообщая о своем намерении включить в проект программы требование об «отрезах», указывает, что на «отрезных» землях держатся кабальные отношения в деревне и что возвращение этих земель, хотя и увеличит площадь крестьянского землевладения, но устранит главный фактор, мешающий развитию капитализма в земледелии. (Мартов. «Записки с.-д.», стр. 331, изд. «Кр. Новь»).

Что касается формулировки задач с.-д. в деревне, данной Лениным в его статье «Рабочая партия и крестьянство» («Искра», № 3, 1901 г.) и совпадения этой формулировки с формулировкой Парвуса в ряде его статей об аграрной программе в «Лейпцигер Фольксцейтунг» за 1895 г., то совпадение это чисто случайное. При выработке аграрной части программы РСДРП в 1902—1903 гг. Ленин дает иную, отличную от Парвуса, формулировку,—более верную, лучшую, точную. Парвус говорит только о привнесении классовой борьбы в деревню, Ленин имел в виду «интересы свободного развития классовой борьбы» и во имя этих интересов считает неотложно необходимым поддержать, развить и оформить целый ряд крестьянских требований.

Перед германской с.-д. не стояли те огромные задачи, которые привлекли к себе внимание Ленина. Давид и Фольмар говорили о пустяковых улучшениях положения крестьян, не затрагивая общественно-политических условий. Парвус мало придавал значения «завоеванию» сельского населения,—Ленин же *в самой поддержке требований крестьянства*, в формулировке этих требований, в раз'яснении крестьянам *противоположности их интересов, как класса, интересам помещиков-землевладельцев,—видел уже классовую борьбу.*

«В современной русской деревне,—писал он в статье «Рабочая партия и крестьянство»,—совмещаются двоякого рода классовые

противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая—постепенно ослабевает. Первая—вся еще в будущем, вторая—в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских с.-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение... наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья»,—этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса» (Соч., т. IV, стр. 27).

Формулируя далее все те требования, которые в конечном счете вошли в аграрную часть программы РСДРП, Ленин говорит, что наш долг указывать на то, что все бедствия крестьян происходят именно от классового угнетения крестьянства.

«Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований», которые должны обобщаться и освещаться с точки зрения борьбы классов.

Вот какое содержание вкладывал Ленин в свою формулировку о необходимости «внесения» борьбы в деревню.

Для Парвуса в немецких условиях «завоевание сельского населения» особого интереса не представляло,—Ленин же завоеванию крестьянства, как класса, накануне буржуазно-демократической революции, придавал огромное значение. Говорить при таких условиях о заимствовании Лениным при выработке «аграрной программы» формулировки Парвуса,—значит, просто опустошать ленинскую формулировку, лишать ее живого, конкретного содержания.

Было бы, однако, неправильно совсем отрицать влияние немецкой аграрной дискуссии на формулировку взглядов Ленина в области аграрной программы. Немецкая дискуссия лишь укрепила уже вполне сложившиеся к тому времени взгляды Ленина по аграрному вопросу, и вполне естественно, что он отрицательно отнесся к взглядам ультра-левого с.-д. Штадтгагена.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. ЛЕНИН, т. XX ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ, чч. 1 и 2.

Выходом в свет настоящих книг, закончено печатанием первое издание собраний сочинений В. И. Ленина. Исключительная по своей важности работа, начатая по воле IX с'езда нашей партии, завершена. Благодаря этому мы получили в свои руки в систематизированном и удобном для изучения виде, почти все то мало-мальски существенное, что было сказано и написано Владимиром Ильичем за его тридцатилетнюю (1893—1923 гг.) партийно-политическую и научно-литературную деятельность на службе мировому революционному движению. Тем самым ставшая перед партией во весь рост, особенно в последние годы, задача научного познания и массового усвоения духовного наследства Ленина, получает прочную основу для своего успешного разрешения.

Разбору содержания рецензируемого тома мы считаем нужным предпослать предварительное замечание. В отличие от ранее вышедших книг собрания сочинений, построенных на основе компактного материала, относящегося к сравнительно краткому промежутку времени или охватывающего своим содержанием какую-нибудь одну определенную проблему, архитектоника настоящего тома иная. Будучи дополнительным, он представляет собой собрание отдельных статей и речей Владимира Ильича, по тем или иным причинам не вошедших в ранее изданные книги. В этом его несомненный недостаток, т. к. читатель не найдет здесь исчерпывающего и законченного разбора интересующих его вопросов. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что за указанным недостатком скрывается и некоторое достоинство. Именно: являясь *внешне* собранием разрозненных и случайных статей и речей, даже один этот том, но взятый *в целом*, даст читателю благодарную возможность проследить духовное развитие автора на всем его жизненном пути, т. к. в обеих книгах представлены одной или несколькими статьями почти все этапы деятельности Владимира Ильича.

Материалы, включенные в первую часть настоящего тома, хронологически охватывают двадцатилетний (1895—1915 гг.) период деятельности Владимира Ильича. Уже первая статья заслуживает внимания читателя. Написанная непосредственно после смерти Фр. Энгельса и посвященная его памяти, она дает в сжатой и популярной форме прекрасный очерк возникновения и развития марксизма.

В чем видит Ленин заслугу основоположников марксизма? Указав, что предшествовавшие им социалисты-утописты «не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали, как самостоятельная общественная сила» и что «они мечтали о социализме без борьбы» В. И. пишет: «В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на беспрерывный рост пролетариата... В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку». Особо отмечает Ленин заслугу Энгельса: «Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение... А борющийся пролета-

риат *сам поможет себе*». Однако, если «общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией», то в дальнейшем роли переменились: «Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого, настоящего—в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса». В заключение, Ленин рассматривает вопрос об отношении Маркса и Энгельса к русскому революционному движению. «...Героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отзвук. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов—завоевания политической свободы—естественно являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции».

В последней цитате уже заключается ответ на то, как должен был встретить В. И. эти «поползновения», когда они возобладали в нашем революционном движении. Борьбе против дезорганизующего это движение экономизма, за создание сплоченной и централизованной партии посвящены статьи, помещенные под рубрикой 1899 года. Предвосхищая по своему содержанию основные идеи «Искры» и «Что делать?», эти статьи представляют собой очень значительный исторический интерес. Написанные еще во время сибирской ссылки, они свидетельствуют о том, что еще *до* своего от'езда за границу, а, следовательно, и *до* переговоров с группой «Освобождение Труда», В. И. имел «...вполне, до конца и всесторонне продуманный, организационно-политический план восстановления и работы партии на ряд ближайших лет» [1]).

«Письмо к редакторской группе» является как бы введением к следующим за ним статьям. Здесь В. И. обосновывает необходимость энергичной борьбы «против бернштейнианы и ее русских отражений», а в дальнейших статьях эту борьбу проводит. «Русская социал-демократия,—пишет он в статье «Наша ближайшая задача», — сделала много для критики старых революционных и социалистических теорий; ...она доказала, что ее программа не висит в воздухе, а идет навстречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный, но зато и особенно важный шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения». Конкретизации этой задачи посвящена статья «Насущный вопрос». Наконец, статья «Попятное направление в русской социал-демократии» дает развернутую критику экономизма, который клонится к тому, чтобы оставить русских рабочих в их неразвитости и раздробленности и чтобы сделать их *хвостом либералов*!»

1900—1903 гг. знаменуют оживление в широком рабочем движении. Предвещая близкое наступление революционной бури, оно окрашивается в яркие политические тона. Вслед за пролетариатом приходят в движение и другие общественные слои: происходят беспрерывные студенческие «беспорядки», начинаются аграрные волнения. Оценке этой новой обстановки посвящена статья «Признаки банкротства». «...Возобновление общестуденческих беспорядков,—пишет В. И.,—после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя». Но это только одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что «государственный строй, искони державшийся на мас-

---

1) III «Ленинский Сборник», предисловие.

совой поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться». И Ленин заключает: «Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем её *политическое* банкротство».

Новая обстановка ставит перед партией новые задачи. Анализу этих задач и выдвигаемых ими новых методов партийной работы посвящен ряд статей этого периода. Из них мы усиленно рекомендуем читателю статью «Новое побоище», на примере Обуховской расправы ставящую вопрос о вооруженном восстании.

Из других статей этой книги остановимся несколько на статьях, посвященных аграрному вопросу. Первая из них, «Аграрная программа социал-демократии в русской революции», представляет сокращенное изложение известной книги Ленина того же названия (см. т. IX собр. сочин.). По своей краткости эта статья может служить очень хорошим пособием для первоначального ознакомления с аграрной проблемой и со взглядами Ленина в этом вопросе. Большой теоретический интерес представляет «Письмо к И. И. Скворцову-Степанову», от 16/XII 1909 г. Здесь В. И. ставит вопрос о двух этапах исторического развития России—последние десятилетия XIX века и начало XX века—и о тех различных задачах, которые они выдвигают перед партией. Но, послушаем самого Ленина.

«Что доказывал и доказал Ильин»[1]? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянстве, *и* вне, *и* внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило *не* иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два». И дальше: «Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным». Но сейчас эта постановка вопроса уже превзойдена историческим развитием. Поэтому: «вопрос сейчас ставится (и движением 1905—1907 гг. *поставлен) иной*, дальнейший, *предполагающий* решение вопроса, Ильиным (и не им одним, конечно) решенного, но предполагающий не *только* это, а нечто большее, более сложное, нечто новое. *Кроме* вопроса, решенного окончательно и верно решенного в 1883—1885, в 1895—1899 гг., история XX века в России поставила нам *дальнейший* вопрос,—и нет ничего ошибочнее теоретически, как пятиться от него назад, отделываться, отмахиваться от него ссылкой на решенное раньше... Нельзя оставаться при *общем* решении вопроса о капитализме, когда *новые* события (и события всемирно-исторической важности, каковы 1905—1907 гг.) поставили вопрос более конкретный, более детальный, вопрос о борьбе *двух* путей или методов **капиталистического** аграрного развития».

Каковы же эти пути или методы капиталистического аграрного развития? «Мы живем,—пишет Ленин,—в эпоху... ломки, которую разные классы *буржуазной* России *стараются* доверщить доделать по-своему: крестьяне (+ рабочие) путем национализации,—... помещики (+ буржуазия старая, жирондистская буржуазия) путем 9.XI. 06[2]) и т. д. Национализация земли—крестьянская ломка старого землевладения—есть экономическая основа американского пути. Закон 9/XI—06 г.—помещичья ломка старого землевладения—есть экономическая основа прусского пути».

Из статей военного периода обратим внимание читателя на очень глубокие статьи «Под чужим флагом» и «Оппортунизм и крах II Интернационала».

Отметим, что в первой из этих статей дано деление новейшей истории капитализма и буржуазной демократии на три эпохи: 1789—1871; 1871—1914; 1914—??. Краткая характеристика этих эпох такова: «*Первая эпоха*, с Великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха под'ема буржуазии, ее полной победы. Это—восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. *Вторая эпоха*, полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это—эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией. *Третья эпоха*, только начинающаяся[1]), ставит буржуазию в такое «положение», в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это—эпоха империализма и империалистических, а также вытекающих из империализма потрясений».

Отметим, что как в этой, так, в особенности, в последней статье книги «Оппортунизм и крах II Интернационала», дана четкая и выпуклая характеристика оппортунизма и социал-шовинизма.

Переходим ко второй книге этого тома. Собранные в ней статьи и речи хронологически охватывают промежуток времени в 6 лет (1917—1922 гг.).

Из материалов, относящихся к 1917 году (кстати сказать, наиболее богато представленному в книге), особенного внимания заслуживают «Письма издалека». Из пяти «Писем издалека» только 1-е, в свое время опубликованное в «Правде», попало в XIV том собрания сочинений. Остальные четыре, вошедшие в настоящую книгу, таким образом, впервые становятся доступными *широким* кругам партийных читателей. Посвященные как общим вопросам революции, так и ее отдельным конкретным задачам, «Письма издалека» дают ясное представление о том, как оценивал классовый смысл совершившихся событий и их дальнейший ход Владимир Ильич еще из своего вынужденного швейцарского «далека».

«Речь на совещании партийных работников, делегатов Всероссийской конференции Советов Р. и С. депутатов», представляя «комментарии» к знаменитым тезисам от 4 апреля, вводит нас в существо ленинских взглядов после приезда в Россию. Известно, что с этими тезисами был несогласен и против них энергично выступал тов. Каменев. Разбор разногласий и критику позиции тов. Каменева читатель найдет в речи и заключительном слове Ленина на петроградской общегородской конференции партии. Мы горячо рекомендуем вниманию читателя эту речь, так как, являясь необходимым дополнением к опубликованным в XIV томе собрания сочинений статьям и речам В. И. на эту же тему, она, пожалуй, превосходит их той прозрачностью мысли и популярностью изложения, с какою в ней разобраны сложнейшие проблемы партийной стратегии и тактики.

Из других статей 1917 года читатель не пройдет мимо статьи «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии». Направленная против участия представителей нашей партии в Демократическом Совещании, эта статья, на основе блестящего анализа парламентской тактики нашей

---

[1]) Подразумевается книга В. И. «Развитие капитализма в России», т. III, собр. сочин.

[2]) Речь идет о законе, изданном Столыпиным помимо Госуд. Думы и ставившем своей целью разрушение общины и создание слоя крепкого крестьянства, сельскохозяйственной буржуазии, на которую могло бы опереться самодержавие.

[1]) Ст. написана в 1915 г.

партии, наглядно вскрывает «главнейшие, основные об'ективные данные, которые надо учесть, чтобы тактику бойкота или участия вывести не произвольно, не по своим «симпатиям», а марксистски». По своему содержанию к этой статье близко примыкает и статья «Кризис назрел». «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел...»— в таких энергичных выражениях заканчивает Ленин эту статью.

Само собой разумеется, первостепенное значение имеют ленинские статьи, письма и резолюции, писанные им в октябре и, в основном, посвященные вопросам вооруженного восстания. Из материалов, относящихся к периоду, наступившему непосредственно после захвата власти, следует отметить принадлежащее перу Владимира Ильича обращение ЦК партии «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», с резкой критикой тт. Зиновьева, Каменева и друг., покинувших, после победы Октябрьской революции, свои партийные и советские посты.

Из статей и речей 1918 г. интересен «Доклад на чрезвычайном железнодорожном с'езде от 13 января», где В. И. дает яркую характеристику революции и вскрывает причины разгона Учредительного Собрания. Вопросам Бреста и возникшим вокруг него внутрипартийным разногласиям посвящен ряд статей и речей на стр. 209—229. Любопытна своеобразно написанная статья «О чесотке». Что понимает В. И. под чесоткой, видно из следующей фразы: «Мучительная болезнь—чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые». Статья кончается юмористическим восклицанием: «Уф! И скверная же болезнь чесотка! И тяжкое же ремесло человека, которому приходится парить в баньке чесоточных...»

Глубокий интерес представляет и статья «Тяжелый, но необходимый урок», посвященная тем же вопросам. В ней мы находим следующее замечательное рассуждение: «*Не надо превращать в фразу великий лозунг: «мы ставим карту на победу социализма в Европе». Это—истина, если иметь в виду долгий и трудный путь победы социализма до конца. Это бесспорная истина, философски-историческая истина, если брать всю «эру социалистической революции» в ее целом. Но всякая абстрактная истина становится фразой, если применять ее к любому конкретному положению*». Это глубокое рассуждение, написанное Лениным против «левых коммунистов», целиком применимо и к нашим теперешним спорам по вопросу о «построении социализма в одной стране». Оно ярко вскрывает ту *теоретико-методологическую* ошибку, в которую впадает «оппозиция», столь широко оперирующая с «абстрактной истиной», что последняя превращается в «фразу».

Вопросам взаимоотношения партии и рабочего класса с крестьянством посвящена статья «Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!» Вывод этой статьи таков: «Теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой; уступки и соглашение с средним крестьянством; беспощадное подавление кулаков...;—вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса» [1]).

На этом мы вынуждены закончить наш, и без того затянувшийся, разбор книг Ленина. В заключение нам остается пригласить читателя заняться их вдумчивым и основательным изучением.

Эм. Таз.

---

1) Напоминаем, что эта статья относится к 1918 году.

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИЙ ПУТЬ ТРОЦКИЗМА.

(Л. Троцкий, т. IV, собр. сочинений «Политическая хроника». Госиздат. 1926 г.).

Сочинения т. Троцкого имеют немалое значение с точки зрения изучения истории партии и тех идеологических и теоретических шатаний, которые отдельными социал-демократическими литераторами вносились в ее ряды. С точки зрения большевистского воспитания партийных масс, сочинения т. Троцкого нуждаются в суровом критическом к ним отношении. Однако, если подойти к изданию сочинений т. Троцкого с этой «исторической» стороны, бросается в глаза одна характерная черта.

Если издание их преследовало цели исторического порядка, цели ознакомления партии, с «троцкизмом», тогда он должен бы быть дан в сочинениях в том виде, в каком его знает партия, а между тем, через издание сочинений т. Троцкого проходит явная тенденция прикрыть оппортунистическую, ликвидаторскую природу троцкизма и нарядить его в большевистский костюм. В сочинения попадает только то, что не могло бы определенно характеризовать отношения т. Троцкого к меньшевикам и ликвидаторам.

Затем, если издание сочинений т. Троцкого преследует цели ознакомления партийных масс с историей троцкизма, тогда это находится в противоречии с заявлением т. Троцкого в письме к Ольминскому, что «время для истории еще не пришло».

Выпуск в свет своих собственных сочинений т. Троцким (а их вышло уже 12 книг) становится понятным только тогда, когда мы вспомним оценку, данную т. Троцким своим старым взглядам в письме к т. Ольминскому в 1921 г.

В этом письме т. Троцкий писал: «Я вовсе не считаю, чтоб в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ. Неправ я был—и коренным образом—в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло. Это фундаментальная ошибка вытекала, однако, из того, что к обеим фракциям—и большевистской, и меньшевистской—я подходил с точки зрения идей перманентной революции и диктатуры пролетариата, тогда как и большевики, и меньшевики стояли в тот период на точке зрения буржуазной революции и демократической республики. Я считал, что разногласия между обеими фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся (надежду эту я высказывал не раз в письмах и на докладах), что самый ход революции приведет обе фракции к позиции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 году. (Предисловие т. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало»).

Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна, выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны».

Троцкий признает, что в оценке меньшевистской фракции он был неправ. И, очевидно, именно поэтому его отношение в прошлом к меньшевикам и ликвидаторам, несмотря на выход в свет 12 книг его сочинений, остается спрятанным, скрытым. Тов. Троцкий считает, что его оценка движущих сил революции была безусловно правильной и большевики в 1917 г. перевооружились в его, Троцкого доспехи. И, очевидно, именно

поэтому он статьи такого характера смело переиздает, выдавая их за стопроцентный большевизм, ибо эти статьи, якобы, «вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 г.».

«Редакционный» подход т. Троцкого к изданию своих сочинений особенно виден на недавно вышедшем в свет 4-м томе под названием «Политическая хроника». В этом томе собраны статьи т. Троцкого, начиная с 1900 г. и кончая 1914 г. В этот том тов. Троцкий включил даже корреспонденции, помещенные им в свое время, когда он находился в ссылке, в «Восточном Обозрении». Это обычные корреспонденции провинциального корреспондента, большей частью на местные деревенские темы отдаленных уголков Сибири, корреспонденции, написанные хлестким цветистым языком т. Троцкого,—и только.

С точки зрения политического воспитания партийных рабочих масс эти статьи сейчас ничего не дают. Но они помещены. Время для истории здесь *уже пришло*. И в то же время в этом томе вы не найдете «Наших политических задач», «В защиту партии» и т. д. В первой статье-брошюре т. Троцкий выступает, как самый непримиримый противник организационных принципов большевизма. В этой брошюре о т. Ленине, как о марксисте, Троцкий писал: «Для него марксизм не метод научного исследования, налагающего большие теоретические обязанности, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно пред'явить свою совесть». Такую оценку т. Троцкий давал ленинизму.

Не менее полезно было бы вспомнить отношение глашатая теории перманентной революции к кадетам. См. статью «В защиту партии».

Но эти статьи в IV томе не помещены. Здесь время для истории почему-то *еще не пришло*.

В IV томе помещено немало статей из венской «Правды» (кстати сказать, в книге везде пишется просто «Правда». Молодые читатели из рабочих могут подумать, что это наша большевистская «Правда», а между тем эта «Правда» была политическим врагом большевизма. Редакторам этого тома сочинений т. Троцкого и самому т. Троцкому не мешало бы, хотя бы в примечании, где-либо, сказать о том, что представляла собой по своей политической физиономии эта венская «Правда»). В книге вы найдете из венской «Правды» статьи с такими громкими заглавиями, как «Железо и кровь», «Нельзя молчать», «Удар в сердце». Тут время истории *уже пришло*.

Но зато вы в IV томе не найдет таких, например, статей из той же газеты, как статья «Заговор заграничного кружка против российской социал-демократической рабочей партии». Для такого сорта статей время истории тоже почему-то *еще не пришло*.

С таким же выбором помещены статьи из журнала «Борьба», из ликвидаторского журнала «Наша Заря» и из ликвидаторской газеты «Луч».

Зачем это делается? Затем, должно быть, чтоб выглядела приличнее «нефракционность» т. Троцкого, затем, чтоб старую политическую линию троцкизма изобразить, если не как целиком совпадающей с большевизмом, то, по крайней мере, весьма близкой к нему.

Тов. Троцкий и его редакторы из IV тома усиленно старались выскоблить все то, что могло бы характеризовать, изобличать оппортунизм и меньшевизм т. Троцкого в прошлом, что могло бы характеризовать его не как пролетарского революционера, а как либерального рабочего политика. Но эта задача, однако, им удалась лишь в весьма небольшой степени. То, что имеется в IV томе, еще в достаточной мере

может свидетельствовать о том, что представлял собой так называемый «исторический троцкизм», каковы были политический радикализм и «революционность» т. Троцкого на протяжении почти 15-ти лет. Тов. Троцкий, как известно, выдвинул несуразно левый лозунг «без царя, а правительство рабочее». Это в 1905 году. Какова же, спрашивается, была его позиция в период *отлива* волны? Об этом лучше всего говорит его статья «На пути во II Думу».

В этой статье он пишет: «Социал-демократия не создает для себя исторической почвы и не выбирает по произволу политических задач. Она работает на той земле, которая ее носит, и берется за те проблемы, которые выдвинуты общественным развитием. Она не может перескакивать—или, лучше сказать, она не может перебрасывать пролетариат—*через естественные фазы политической эволюции*; *она не может проходить историю по сокращенному учебнику или по конспекту, ею самой составленному. Всякая попытка искусственно форсировать политические проявления классовой борьбы*, поскольку такая попытка не окажется просто бесплодной, *будет иметь реакционное* значение; после некоторых обманчивых политических эффектов она неизбежно даст политическому развитию задний ход.

Этими соображениями определяется в частности и наше отношение к либерализму».

В переводе на точный язык политики это означает: «без царя, а правительство рабочее»—это сказано так, для красного словца, в период революционного под'ема, а когда наступает упадок, годы реакции, то с точки зрения троцкизма оказывается, что социал-демократия должна «поддерживать» либерализм, *подталкивать* его вперед.

Можно ли назвать такую точку зрения точкой зрения пролетарского революционера? Нет. Эта точка зрения либерального рабочего политика. В период, когда перед нашей партией стояла задача всемерного развертывания классовой борьбы, в период, когда революция страдала именно от того, что в классовую борьбу не были все еще полностью втянуты массы пролетариата и особенно крестьянства, в период, когда контрреволюция поднимала голову, когда задача заключалась в том, чтобы массы пролетариата и крестьянства организовали массовое вооруженное восстание, в этот момент провозглашать реакционность «искусственного» форсирования, развертывания, разжигания классовой борьбы—это и значит опускаться до уровня сознания либерального рабочего политика.

Так у т. Троцкого 20 лет назад левая фраза сочеталась с оппортунистическим делом. Не менее характерна и та тактика, которую намечал т. Троцкий тогда по отношению к либералам, не менее характерна и мотивировка этой тактики.

Он писал: «В России, где центральной задачей является завоевание демократического строя, наши отношения к либерализму, как положительные, так и отрицательные, почти всецело ограничены рамками этой очередной задачи».

Такое определение отношения пролетариата к либерализму было типичным как раз для меньшевиков, для оппортунистов. Наше отношение к либерализму до совершения буржуазной революции определялось двумя основными моментами: во-первых, необходимостью уже в самой буржуазной революции готовить пролетариат для грядущих боев за пролетарскую революцию, а это возможно только в непримиримой борьбе с либералами; и, во-вторых, контрреволюционностью либеральной буржуазии, ее неспособностью бороться за буржуазно-демократическую революцию, ее предательством, готовностью итти на сделки и заговор с самодержавием. Движущими силами буржуазной революции могли быть только

пролетариат и крестьянство. Буржуазная революция—и опыт это полностью подтвердил—могла победить не благодаря либералам, а против них и вопреки им. Линия большевиков была за гегемонию пролетариата в буржуазной революции и за его руководящую роль по отношению к крестьянству. Линия меньшевиков за гегемонию либеральной буржуазии и за поддержку и подталкивание ее пролетариатом. Этой точки зрения, как мы видим, придерживался и т. Троцкий.

О «естественных фазах политической эволюции» тов. Троцкий говорит только для того, чтобы *преклониться* перед ними. Это, как две капли воды, похоже на последнее его выступление на VII пленуме ИККИ, где он тоже грозно декретировал: не следует топтать ногами всю нашу экономическую историю, нас контролирует мировое капиталистическое хозяйство, а отсюда невозможно построение социализма в одной стране. Там Троцкий выступал, как ревизионист по отношению к задачам пролетариата в буржуазной революции, здесь он выступает, как ревизионист по отношению к перспективам нашего социалистического строительства. В статье «На пути во II Думу» т. Троцкий обнаруживает струвистское понимание хода истории, а в своем выступлении на пленуме ИККИ т. Троцкий показывает свое струвистское понимание наших взаимозависимостей с капиталистическим миром.

Троцкизм современный, таким образом, показывает, что у него с троцкизмом «историческим», сохраняется прямая преемственность.

Но т. Троцкий «левый»! «Влеченье—род недуга» к левой фразе для затушевывания оппортунистического дела характерно не только для современного троцкизма, но и для троцкизма «исторического».

Посмотрите, как т. Троцкий золотит словесной оболочкой необходимость поддержки либералов! «Критикуя либерализм,—говорит т. Троцкий,—обличая его перед лицом населения, на которое он хочет влиять, мы заставляем его итти вперед. Из тех обязательств, какие дает либерализм народу, мы делаем логическую цепь выводов; эту цепь мы петлей закидываем на шею либерализму и тащим его за собой. Если он начинает упираться, петля слегка натягивается на его шее и причиняет ему неудобство. Волей-неволей, нередко с подавленным проклятием, он идет вперед. На каждом шагу он пытается остановиться, он уговаривает нас сделать передышку, он упрекает нас в прямолинейности, в бестактности, в насилии, он отрекается от нас. Но так как направление и темп нашего движения определяются политическим развитием народных масс, а не самочувствием либерализма, то мы неуклонно увеличиваем наше давление по мере того, как массы идут вперед, и таким образом вынуждаем либерализм совершить весь тот маршрут, который допускается его социальной комплекцией. И, когда он, наконец, достигает своего «предела» и останавливается, петля неумолимо затягивается на его шее,—и на исторической дороге остается труп».

Внешне получается, как будто бы очень привлекательно, революционно и красиво! Как же, пролетариат затягивает петлю на шее либералов! А по существу все эти рассуждения сводятся не к чему иному, как к приглашению пролетариата пойти на услужение либеральной буржуазии. Для т. Троцкого, как и для меньшевиков, на либералах клином весь свет сошелся. Кроме социал-демократии и либералов, т. Троцкий не видит иных сил на арене буржуазной революции. Все буржуазные и мелкобуржуазные партии для него оказываются окрашенными в один цвет. Мирнообновленцы, партии демократических реформ, кадеты, трудовики, народные социалисты, социалисты-революционеры для него суть либералы и только. Тов. Троцкий не видел разницы между просто либералами и «либералами с бомбой» — социалистами-революционерами.

Тов. Троцкий не понимал, что социалисты-революционеры в буржуазной революции были демократами, а кадеты оставались только либералами, а демократами были постоянно в кавычках. Это стирание граней между кадетами и социалистами-революционерами в период революции 1905 г. было характерным для меньшевиков.

Тов. Ленин на этот счет определенно подчеркивал: «Различение партий и партийных оттенков на собраниях уполномоченных, выборщиков (а также во всей избирательной кампании, это разумеется само собой) будет маленьким, но не бесполезным практическим делом. На этом деле, между прочим, жизнь даст проверку многих спорных вопросов, волнующих с.-д. рабочую партию. Правое крыло ее, начиная от крайних оппортунистов «Нашего Дела» и кончая умеренными оппортунистами «Социал-Демократа», на все лады стирает и извращает различие трудовиков и кадетов, не замечая, повидимому, и нового, весьма важного явления: деления трудовиков на н.-с., с.-р. и тяготеющих к тем или другим». (VII т., 2 ч., стр. 134, соч. Ленина).

Тов. Троцкий в стирании грани между контрреволюционными партиями крупной буржуазии и революционными партиями мелкой буржуазии не отставал, как видим, от меньшевиков. Но в то же время он и в данном вопросе пытался сесть между двух стульев. С одной стороны, он заявляет: «Мы должны поддерживать либеральную оппозицию». «Мы должны изолировать реакцию» (стр. 135). А, с другой—он возмущен, что партия «сосредоточивает столько внимания и страсти вокруг такого третьестепенного вопроса, как соглашение с кадетами» (стр. 198). Ведь подача голосов за кадетов—это только «техническое соглашение», а не политический блок, и само соглашение с кадетами для Троцкого нужно только затем, чтоб только дискредитировать кадетов, «скомпрометировать» их. Зачем же большевики поднимают из-за этого столько шума!

Сам будучи оппортунистом, т. Троцкий в то же время играет роль свахи между оппортунизмом и революционным марксизмом, стараясь примирить их, замазать глубину разногласий.

Таков троцкизм прошлого в его отношении к либералам и либеральной буржуазии.

Не лучше обстоит дело с отношением т. Троцкого к борьбе партии за неурезанные лозунги. Меньшевики, как известно, в период III и IV Думы отвергли в повседневной агитации такие лозунги, как лозунг демократической республики и конфискации помещичьей земли. Они говорили, что только восьмичасовой рабочий день, один из трех большевистских лозунгов, играет и может играть роль в повседневной борьбе рабочих. Лозунги борьбы за республику и конфискации помещичьей земли могут служить только предметом пропаганды, но не агитации. Кроме восьмичасового рабочего дня, ликвидаторскими лозунгами были: лозунги свободы

Ленин ликвидаторов подвергал за это беспощадной критике. «Неужели,—спрашивал он,—«злободневна» только свобода союзов? а неприкосновенность личности? а отмена усмотрения и произвола? а всеобщее и т. д. избирательное право? а единая палата? и т. д.? Всякий грамотный рабочий, всякий, помнящий недавнее прошлое, прекрасно знает, что все это—злободневно. В тысячах статей и речей все либералы признают, что все это—злободневно. Почему же «Луч» об'явил злободневной одну, хотя бы и важнейшую из свобод, а коренные условия политической свободы, демократии, конституционного строя вычеркнул, отодвинул, сдал в архив «пропаганды», убрал прочь из агитации?

Потому и только потому, что «Луч» не приемлет неприемлемого для либералов» (Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 130).

Тов. Троцкий по отношению к неурезанным лозунгам снова оказывается в одной кампании с ликвидаторами. В его статье «Третья Дума» мы находим следующее место по интересующему нас вопросу: «Широко развернуть,—пишет он,—рабочую программу, поставить в Думе ребром все те вопросы, которыми живет рабочая масса,—вот главная задача—все остальное приложится к ней. Организация общественных работ для безработных! Восьмичасовой рабочий день! Свобода профессиональных союзов! Эти требования должны не переставая звучать в третьей Думе, как удары набата».

Вот она, теория перманентной революции на практике!

Для широкой политической рекламы—«без царя, а правительство рабочее», а для домашнего политического обихода либеральных рабочих политиков—«организация общественных работ для безработных»! Свобода профессиональных союзов не забыта, а вот демократическая республика положена в долгий ящик!

Те же взгляды либерального рабочего политика сквозят и в статье «Какая городская дума нужна Петербургу». Для каждого марксиста должно быть ясно, что всякая апелляция к правовому сознанию старых либеральных гласных является нечем иным, как выражением своеобразного парламентского кретинизма, в особенности когда эта апелляция совершается в период открытого столкновения классовых сил. Что же мы видим у т. Троцкого.

Он пишет: «Требование, с которым население обращается к нынешней думе, состоит не в том, чтобы она просто и молчаливо устранилась,—такой уход будет не чем иным, как побегом с ее стороны. Ее побега мы нисколько не боимся, но не этого мы хотим. Мы требуем, чтобы дума признала свою неправоспособность и провозгласила необходимость немедленного собрания нового состава гласных на основе демократического избирательного права и чтобы для организации этих выборов она предоставила населению аппарат городского самоуправления». Дальше т. Троцкий в этой статье предсказывает, что «первое завоевание, которое сделает и укрепит народ, будет создание городского самоуправления на основе всеобщих выборов. Нужно к этому подготовить все городское население. Честные друзья свободы—за работу».

Тов. Троцкий обращается к сознанию городских либералов, «отцов города» с предложением призвать свою неправоспособность и приступить к выборам новых гласных на основе демократического избирательного права. Это называется «толкать либералов вперед». Антимарксистским является и утверждение т. Троцкого, что первым завоеванием, которое сделает и укрепит народ, будет создание городского самоуправления на основе всеобщих выборов. В действительности предпосылкой таких выборов могла быть только коренная ломка всего самодержавно-политического строя, без этого всякие разговоры были только пусканием пыли в глаза рабочим. Большевики именно так вопрос и ставили.

Тов. Троцкий здесь во всяком случае опять попадает не в большевистский лагерь. Теория перманентной революции не помешала ему и по только-что освещенному вопросу быть в одних рядах с оппортунистами.

Перейдем к взглядам т. Троцкого на аграрный вопрос и аграрную программу нашей партии. Меньшевики, как известно, были последователями муниципализации, большевики—сторонниками национализации. Кем же был т. Троцкий?

В аграрном вопросе т. Троцкий рассуждает по «мудрому» правилу: «с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой стороны, нельзя не признаться». Как будто бы муниципализация неплоха, но и национализация тоже хорошая вещь. На стр. 320 мы читаем: «Совершенно невозможно муниципализацию противопоставить национализации. Только новая власть, вышедшая из революции, может создать новые формы земельной собственности. Переход конфискованной земли в собственность всего народа (resp. государства) есть, во всяком случае, необходимо революционно-политическая предпосылка муниципализации земли. Вся задача революции состоит теперь именно в создании этой предпосылки. *Противопоставлять в настоящем фазисе резолюции муниципализацию национализации — значит, не желая того, принципиально санкционировать локальный кретинизм мужика*» (Курсив наш. *М. Р.*).

Тов. Троцкому, как гоголевской невесте, нравится одновременно и Балтазар Балтазарович Жевакин и Иван Павлович Яичница. С одной стороны, «муниципализация есть программа, с которой мы можем выступить в Учредительном Собрании», а, с другой стороны, национализация является «рычагом революции», и против нее высказываться тоже не следует. Так т. Троцкий по отношению к аграрной программе партии и остается в положении гоголевской невесты.

В действительности такое противопоставление было совершенно необходимо. Что такое муниципализация? «Муниципализация, говорил Ленин,—есть реакционный лозунг, идеализирующий средне-вековую особенность областей, притупляющий в крестьянстве сознание необходимости централизованной аграрной революции» (Ленин, том IX, стр. 542).

Значение национализации, наоборот, состоит в том, что ее проведение даже в условиях буржуазной революции в наибольшей мере означает разгром всех и всяческих форм крепостничества. Кроме того, проведение национализации означает удар по одной из форм частной собственности,—удар, отзвуки которого будут слышны во всем мире. Если же национализация совершается в условиях пролетарской революции, она вместе с тем является крупным *шагом по пути к социализму*. Национализация поднимает революционное сознание крестьянства до понимания общеполитических задач, она централизует и мобилизует его силы, тогда как муниципализация, наоборот, их сковывает и ограничивает рамками области.

Как же при таком колоссальном общественно-экономическом различии между муниципализацией и национализацией можно их примирять и об'единять друг с другом? Это мог делать только «нефракционный» т. Троцкий!

Наконец, в четвертом томе сочинений т. Троцкого имеется раздел, посвященный национальному вопросу. Меньшевики-ликвидаторы в национальном вопросе были сторонниками культурно-национальной автономии. Большевики, как известно, выдвигали и выдвигают лозунг права наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Точно выраженных взглядов т. Троцкого в четвертом томе, где имеется немало статей по национальному вопросу, на этот коренной пункт программы читатель не найдет. Тов. Троцкий отделывается общими рассуждениями и лозунгами. Весь раздел озаглавлен «Против национального гнета», но во всех статьях мы имеем только критику национальной политики самодержавия, а что касается положительных задач пролетариата по отношению к борьбе с национальным угнетением, тут у т. Троцкого вы найдете лишь нечленораздельные звуки. Тов. Троцкий пишет, что «национальный гнет для рабочего везде и всегда превращается в гнет классовый, и всякое насилие над нацией первую и самую жестокую рану наносит рабочему». Но ведь национальный гнет испытывается не только рабочими, и раны, наносимые им, наносятся не только рабочему классу. Каковы же ваши положительные

требования. в национальном вопросе? Их нет. Они снова куда-то исчезли.

Подведем итоги.

Тов. Троцкий в своем письме к Ольминскому писал, что его «оценка движущих сил революции была безусловно правильна».

В результате же нашего анализа получается следующая картина: большевики стояли на точке зрения всемерного развязывания классовой борьбы, ибо этого требовали интересы пролетариата, Троцкий, наоборот, был противником форсирования классовой борьбы. По Троцкому это называется—его взгляды на движущие силы революции целиком совпадают с позицией нашей партии и являются «безусловно правильными».

Большевики были за гегемонию пролетариата в буржуазной революции, Троцкий был за превращение пролетариата в хвост либеральной буржуазии, за поддержку этой либеральной буржуазии. По Троцкому это называется—дать правильную оценку движущих сил революции.

Большевики были за неурезанные лозунги, за демократическую республику, за конфискацию помещичьих земель, т. Троцкий за «свободу коалиций» и «общественные работы для безработных». Это называется—Троцкий дал правильную оценку движущим силам революции.

Большевики были за национализацию земли, против муниципализации, как реакционного лозунга, сковывающего силы крестьянского революционного движения. Троцкий был за муниципализацию и за национализацию одновременно, играя по отношению к аграрным программам большевиков и меньшевиков роль свахи. По Троцкому это называется—дать верную оценку движущим силам революции.

Большевики были за право национального самоопределения вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В России было более 60% населения, относившегося до революции к угнетенным национальностям. Поэтому пролетарской партии нельзя было дать никакой сколько-нибудь верной оценки движущим силам революции, не имея ясной программы в борьбе против национального угнетения. У Троцкого этой программы не было, но по Троцкому это называется—быть безусловно правым и последовательным.

На четвертом томе сочинений т. Троцкого особенно ярко и блестяще подтверждается характеристика, данная троцкизму т. Лениным. Троцкизм—это «левая фраза и правое дело». Четвертый том, несмотря на то, что из него довольно старательно удалены наиболее типичные для троцкизма статьи, для которых «время еще не пришло»,—неоспоримо доказывает, что между троцкизмом старым и «троцкизмом современным» имеется такая тесная преемственность и идеологическое родство, что их следует считать одним и тем же уклоном, только приспособленным к различным этапам теоретического развития.

М. Рютин.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.